

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 11 Liberal* | September 2016

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Jemal Mehmed (Turkey)

GISAP: Philological Sciences №11 Liberal* (September 2016)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2016 IASHE

ISSN 2053-1532
ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Alexander Stadnichenko, Tatyana Gribova, Inna Shekina, Yury Skoblikov

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

E.G. Gavrilova, *Tyumen State University, Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch), Russia*
REFLECTION OF SYMBOLISM OF THE FIGURE NINE IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS.....3

D. Movchan, G. Chulanova, L. Shchyhlo, O. Nazarenko, *Sumy State University, Ukraine*
SPEECH NORM AND ITS ALTERNATION IN OCCASIONAL NEOLOGISMS.....6

O. Shumenko, N. Reva, *Sumy State University, Ukraine*
STATUS OF A NOUN IN THE COSMETICS ADVERTISEMENTS FOR WOMEN.....9

Balasanayan, MA, *Samtskhe-Javakheti State University, Georgia*
INTRODUCTION OF MULTILINGUAL EDUCATION FOR INTEGRATION OF ETHNIC GROUPS
LIVING IN GEORGIA..... 12

Yu. Pykhtina, *Orenburg State University, Russia*
STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE CHRONOTOPE IN THE NOVEL «THE TIME OF WOMEN»
BY E. CHIZHOVA.....15

V.S. Lee, *Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan*
ABOUT THE SUBJECT OF THE ANTHROPOCENTRIC PARADIGM IN MODERN LINGUISTICS.....19

D. Hamze, *Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria*
LANGUAGE RESOURCES AS A PERSPECTIVE FOR PRESERVING THE ETHNIC IDENTITY AND REACHING
FULLINTERCULTURALCOMMUNICATION.....21

V.S. Lee, *Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan*
ABOUT NATIONAL AND CULTURAL MOTIVATION OF LINGUISTIC SIGNS AS A MANIFESTATION
OF ETHNIC IDENTITY OF LANGUAGES.....34

A. Zalevskaya, *Tver State University, Russia*
WILHELM VON HUMBOLDT AND LANGUAGE AS THE «LIVE KNOWLEDGE».....37

S. Buchatskaya, *M. Kotsyubinskij State Pedagogical University of Vinnitsa, Ukraine*
BEING A BILINGUAL IN MODERN INTERCULTURAL COMMUNICATION.....41

I.F. Loshchenova, K.A. Shapochka, I.V. Usachenko, F.O. Loshchenov, The Mykolaiv V.O.
Sukhomlynsky National University, Ukraine
WORD FORMATION MECHANISMS IN THE ENGLISH ECONOMIC TERMINOLOGY.....44

CONTENTS

Гаврилова Е.Г. , <i>Тюменский государственный университет, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал), Россия</i> ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИКИ ЧИСЛА ДЕВЯТЬ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ.....	3
D. Movchan, G. Chulanova, L. Shchyhlo, O. Nazarenko , <i>Sumy State University, Ukraine</i> SPEECH NORM AND ITS ALTERNATION IN OCCASIONAL NEOLOGISMS.....	6
O. Shumenko, N. Reva , <i>Sumy State University, Ukraine</i> STATUS OF A NOUN IN THE COSMETICS ADVERTISEMENTS FOR WOMEN.....	9
Баласаниян М.А. , <i>Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия</i> ВНЕДРЕНИЕ МНОГОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, С ЦЕЛЬЮ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОСОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГРУЗИИ.....	12
Пыхтина Ю.Г. , <i>Оренбургский государственный университет, Россия</i> СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ Е. ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН».....	15
V.S. Lee , <i>Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan</i> ABOUT THE SUBJECT OF THE ANTHROPOCENTRIC PARADIGM IN MODERN LINGUISTICS.....	19
Хамзе Д.Г. , <i>Пловдивский университет Паусий Хилендарский, Болгария</i> РЕСУРСЫ ЯЗЫКА КАК ПЕРСПЕКТИВА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛНОЦЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	21
Ли В.С. , <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК ПРОЯВЛЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ ЯЗЫКОВ	34
Залевская А.А. , <i>Тверской государственный университет, Россия</i> ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ И ЯЗЫК КАК «ЖИВОЕ ЗНАНИЕ».....	37
S. Buchatskaya , <i>M. Kotsyubinskij State Pedagogical University of Vinnitsa, Ukraine</i> BEING A BILINGUAL IN MODERN INTERCULTURAL COMMUNICATION.....	41
I.F. Loshchenova, K.A. Shapochka, I.V. Usachenko, F.O. Loshchenov , <i>The Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine</i> WORD FORMATION MECHANISMS IN THE ENGLISH ECONOMIC TERMINOLOGY.....	44

REFLECTION OF SYMBOLISM OF
THE FIGURE NINE IN ENGLISH
PHRASEOLOGICAL UNITS

E.G. Gavrilova, Student
Tyumen State University, Tobolsk Pedagogical Institute named
after D.I. Mendeleev (Branch), Russia

The paper is devoted to analysis of the phraseological units with the component "nine" from the standpoint of their semantics, etymology and reflection of the national specificity. The author considers the national symbolic meaning of the number nine in the English culture, as well as its reproduction in the semantics of the phraseological component "nine".

Keywords: phraseological unit, figure nine, component-numeral nine, symbolic meaning.

Conference participant

ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИКИ
ЧИСЛА ДЕВЯТЬ В АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Гаврилова Е.Г., студент
Тюменский государственный университет, Тобольский
педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал),
Россия

В статье рассматриваются английские фразеологические единицы с компонентом nine с точки зрения их семантики и происхождения, отражения в них этнокультурных особенностей. Анализируется национальная символика числа девять в английской культуре и её воспроизведение в значении фразеологического компонента nine.

Ключевые слова: фразеологизм, число девять, компонент-числительное nine, символическое значение.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1478>

Числа в культуре любого народа, наряду со своими математическими функциями, выполняют важную мифопоэтическую роль. Предпочтение национальной культурой тех или иных числовых наборов определяет этническую особенность числовой модели мира, которая начинает формироваться с архаических представлений предков того или иного народа об окружающем мире.

Целью нашего исследования является выявление национальной специфики компонента-числительного nine в структуре английских фразеологизмов, отражение в изучаемых фразеологизмах символика значимого для английской нации числа nine. Материалом исследования послужили фразеологические единицы, представленные в «Большом англо-русском фразеологическом словаре» А.В. Кунина (1984) и в «Словаре цифровых идиом» Л.Ф. Шитовой (2013). Всего было выявлено 24 единицы с компонентом-числительным nine, несмотря на то, что группа данных английских фразеологизмов немногочисленна, входящие в неё единицы играют важную роль в лингвокультурном пространстве этноса. Число девять является настолько многозначительным для англичан, что его по праву можно сравнить с числом семь в русской культуре.

Девять – это полнота, исполнение, достижение, начало и конец, целое, число небесное и ангельское, рай на земле. Также это число понимается как символ Вселенной, трех миров

(неба, земли и преисподней), символ единства, целостности. Девять называется числом человека из-за девяти месяцев его эмбрионального развития [8, с. 392]. Девять – треугольник триады и утроение тройки. Следовательно, это сложный образ трех миров. Девять есть конец – предел цифровой серии до ее возвращения к единице [6, с. 579].

Мистицизм английской культуры воплощается в единице *a cat has nine lives* – «1. кошки живучи; 2. живуч, как кошка». По старому английскому поверью кошка имеет девять жизней. Примечательно, что в различных культурах количество жизней у кошек определяется по-разному, этот факт нашел отражение во фразеологической системе языков. В Испании считают, что «*siete vidas tiene un gato*» (семь), в Германии – «*Katzen haben sieben Leben*» (семь), в арабских странах насчитали шесть, но весь остальной мир считает, что все-таки жизней у кошки девять [5].

Продemonстрируем употребление этого фразеологизма: *Lieberman, Lieberman, a cat has nine lives. You have one. Lieberman, really – four autobiographies for this one little life of yours?* (Joseph Heller. *Good as Gold*).

Многие фразеологические единицы с компонентом – бывшим числительным nine, отражают реалии современной жизни: *a nine-to-five-job* – «нормированный рабочий день (с 9.00 до 17.00)», *a nine day's wonder* – «кратковременная сенсация, предмет недолгих толков», *to be dressed up to the*

nines – «быть хорошо одетым, с иголочки», *long nine* – «дешевая сигара».

Проиллюстрируем использование устойчивых единиц в художественном микротексте: *I was taking them to a very smart restaurant and expected to find Isabel arrayed for the occasion; with all the women dressed up to the nines I was confident she would not wish to be out-shone* (William Somerset Maugham. *The Razor's Edge*). *The murder of the Captain was a nine days' wonder. Nobody could suggest a motive for it* (Agatha Christie. *The Partners in Crime*).

Мистический символизм числа девять косвенно находит отражение в единицах, где использование компонента-числительного не мотивировано или было мотивировано, но связь с этимологией давно утрачена: *to the nines* – «в совершенстве; до небес; чрезвычайно», *to crack on up to the nines* – «превозносить кого-то до небес», *touch it off to the nines* – «великолепно сделать что-либо», *to be dressed up to the nines* – «быть хорошо одетым». Эти единицы указывают на символический смысл числа девять как на нечто превосходное, великолепное, что приближает его к божественному пониманию.

Отметим, что происхождение фразеологической единицы *to the nines* этимологами так и не установлено. Выдвигаются различного рода теории возникновения устойчивой единицы. Так, выдвигаются интересные предположения по поводу происхождения *to be dressed up to the nines*. В словарной статье «*Morris Dictionary of Word and*

Phrase Origins» (1971) предполагает, что изначально фраза выглядела как *dressed to the eyes* и соответственно имела более открытую семантику, в древнеанглийском языке *to the eyes* писалось и произносилось *to thine eupe*, вследствие утраты современным языком данной устаревшей формы она была заменена на созвучную словоформу *to the nines*.

Л.Ф. Шитова в своем «Словаре цифровых идиом», словарные статьи которого были созданы на основе информации предоставленной в различных английских словарях [10, с.140], предлагает версию, что *to be dressed up to the nines* – это понятие из истории судоходства. Корабли имели три мачты, каждая была три ярда в высоту; во время каких-либо торжественных событий или по случаю празднования победы на суднах поднимали все паруса (в сумме в девять ярдов высотой), по этому случаю говорили о том, что корабли «*were dressed up to the nines*» (досл. «были одеты до девяток»).

Многие из разнообразных известных теорий не подтверждаются, либо опровергаются, например, что фразеологизм *to the nines*, возник благодаря неформальному названию 99 пехотного полка английской армии, солдаты которого носили великолепные парадные мундиры. Но в данной теории есть большой недостаток: пехотный полк существовал в 50-х годах XIX века, а выражение *to the nines* в своей образной функции уже использовалось поэтом Робертом Бёрнсом во второй половине XVIII века [10, с. 140; 3, с. 489], а также в письме Гамильтона Уильяма 1719 года [2].

Для нас же более интересна теория, которой придерживается Дейвен Хиски [1] и Гэри Мартин [2]. Исследователи полагают, что выражение *to the nines* берет начало от наименования девяти муз древнегреческой мифологии – the Nine Muses. В качестве подтверждения авторы приводят в пример отрывок из поэтического сборника Джона Роулета (1687), где *to the Nine* обозначало обращение к древнегреческим музам. Мы также придерживаемся данной точки зрения в силу числовой символики изучаемого компонента *nine*. Музы воплощали

в себе все науки и искусства, символизировали человеческие таланты, что делало их божественно совершенными. Все девять муз в единстве – идеал всесторонне развитого человека; следовательно, числу девять возможно приписывать символику некоего божественного совершенства, которая проявляется в языковой системе, в частности, во фразеологическом фонде английского языка.

В любом случае, несмотря на невыясненную этимологию многих фразеологизмов, *nine* играет важнейшую символическую функцию, которая отражает значимость числа для построения мифопоэтической национальной картины мира.

Как утверждают А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, роль числа девять в английской фразеологической системе объяснима значением его в древнегерманской культуре. Девять играет большую роль в германской мифологии (девять миров в северогерманских мифах, девять низших божеств), в правовой системе (срок в девять дней имел особый юридический статус) [4, с. 269]: *possession is nine points of the law* – «владение имуществом почти равносильно праву на него». Здесь компонент *nine* не обозначает конкретное количество и выступает символом большинства, как и во многих единицах, является неотделимым компонентом, неделя считывала девять дней, расстояние в девять шагов использовалось как мера длины. Позднее во всех германских языках, кроме английского, число девять в своих особых знаковых функциях было вытеснено числом семь [4, с. 270].

Таким образом, с позиции культурной значимости можно говорить о специфичности рассмотренных выше английских фразеологизмов с компонентом *nine*. Хотя практически все исследуемые фразеологизмы утратили связь с этимологией, в семантике и структурной организации фразеологических единиц выделяются значимые компоненты и семы, которые формируют не только общее значение устойчивой единицы, но и несут особый мифологический символизм, который современные

носители языка не имеют возможности мотивировать, так как культурная интерпретация данных элементов носит преимущественно этимологический характер.

References:

1. Hiskey Daven. Where the expression «dressed to the nines» came from., Access mode: <http://www.todayifoundout.com/index.php/2014/04/expression-dressed-nines-came/>
2. Martin Gary. The meaning and origin of the expression: dressed to the nines., Access mode: <http://www.phrases.org.uk/meanings/dressed-to-the-nines>.
3. Morris Willam, Morris Mary. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. – New York., Harper & Row, 1971. – 654 p. <https://doi.org/10.2307/323946>
4. Baranov A.N., D.O. Dobrovolskij Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the phraseological theory]. – Moskva., Znack [Sign], 2008. – 656 p.
5. Kvasov D. Fun with numbers., Access mode: <http://english99.ru/fun-with-numbers-9/>.
6. Kerlot H.Je. Slovar' simvolov [Dictionary of symbols]. – Moskva., Refl-book, 1994. – 602 p.
7. Kunin A.V. Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar' [Great English-Russian phraseological dictionary]. – Moskva., «Russian language», 1984. – 944 p.
8. Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskij simboliki v indoevropskijh jazykah: Obraz mira i miry obrazov. [Comparative dictionary of mythological symbolism in the Indo-European languages: Image of the world and the worlds of images] – Moskva., Gumanitarnyj izdatel'skij centr VLADOS [Publishing Center for Humanities VLADOS], 1996. – 416 p.
9. Shitova L.F. Digital Idioms = Slovar' cifrovyh idiom [Dictionary of digital idioms]. – Sankt-Peterburg., Antologija [Anthology], 2013. – 160 p.

Литература:

1. Hiskey Daven. Where the expression «dressed to the nines» came

from [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.todayifoundout.com/index.php/2014/04/expression-dressed-nines-came/>.

2. Martin Gary. The meaning and origin of the expression: dressed to the nines [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.phrases.org.uk/meanings/dressed-to-the-nines>.

3. Morris Willam, Morris Mary. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. – New York., Harper & Row, 1971. – 654 p.

4. Баранов А.Н., Д.О. Добро-

вольский Аспекты теории фразеологии. – Москва., Знак, 2008. – 656 с.

5. Квасов Д. Fun with numbers [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://english99.ru/fun-with-numbers-9/>.

6. Керлот Х.Э. Словарь символов. – Москва., Refl-book, 1994. – 602 с.

7. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – Москва., «Русский язык», 1984. – 944 с.

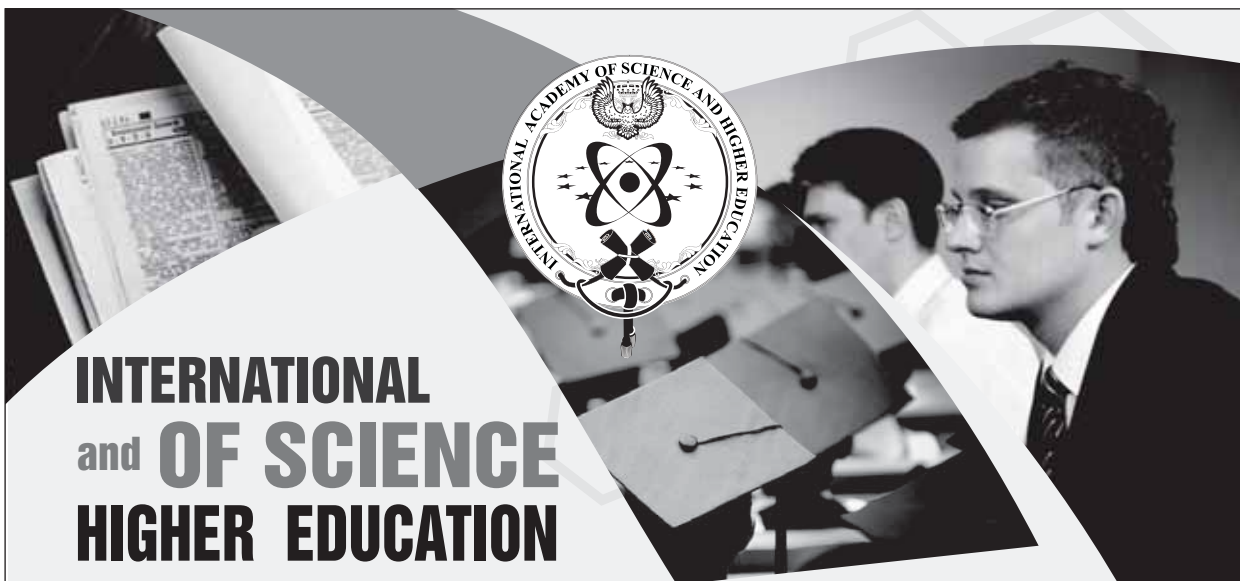
8. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских язы-

ках: Образ мира и миры образов. – Москва., Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

9. Шитова Л.Ф. Digital Idioms = Словарь цифровых идиом. – Санкт-Петербург., Антология, 2013. – 160 с.

Information about author:

1. Elizabeth Gavrilova – Student, Tyumen State University, Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch); address: Russia, Tobolsk city; e-mail: liza.liza-veta-94@yandex.ru

INTERNATIONAL and OF SCIENCE HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

 Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

 While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

 Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

 Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu>

e-mail: office@iashe.eu

phone: +44 (20) 71939499

SPEECH NORM AND ITS ALTERNATION IN OCCASIONAL NEOLOGISMS

D. Movchan, Doctor of Philosophy, Associate Professor
G. Chulanova, Doctor of Philosophy, Associate Professor
L. Shchyhlo, Doctor of Philosophy, Associate Professor
O. Nazarenko, Lecturer
Sumy State University, Ukraine

The authors present the results of the research on semantic variations in the word structure of antonyms, which are the way to develop a certain actual meaning in speech, as well as occasional antonymic meaning. The speaker applies such kinds of semantic manipulations in order to realize one of his/her communicative strategies. Antonyms are considered to be one of the most effective lexical mechanisms able to contribute to the successive communicative act.

Keywords: pragmatic potential, pragmatic meaning, semantic variation, occasional antonyms.

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1481>

Since the late XX century the study of language became pragmatically oriented. The linguists interpret the language phenomenon not as an abstract, static system of invariant discrete units, but as a living dynamic mechanism, which operates and changes. The emphasis is made on speaking, acting in specific communicative situations. As opposed to semantics and syntax, which, as a rule, deal with the idealized, theoretical constructs, the object of interest of pragmatic researchers is described as more personal, empirical.

As a rule, semantics and pragmatics interpret the phenomenon of meaning in different ways. For semantics meaning is a clearly organized attribute of the language system. From the perspective of pragmatics, meaning appears to be a separate use of a particular linguistic unit.

We consider it appropriate to view semantics and pragmatics in their interaction. It is impossible to separate nomination from communication, just like it is impossible to consider nominative and communicative human activity outside the human cognitive activity. "Any materialisation of thinking results is focused, first of all, on the message. That is why the idea of nomination as a constant and self-sufficient component of language, and nominative activities only as creation, search, selection and simple reproduction of names turns out to be incomplete" [1, p. 8].

The aim of our research is to study pragmatic side of antonyms. **The object of the study presented** is antonyms in the modern German language. **Subject of**

the research is typical mechanisms and schemes by means of which pragmatic potential of antonyms is realized in speech.

Antonyms, as well as other separate linguistic units, are characterized by potential illocutionary force, which means that they are potential speech units. In this case, information about the anticipated interaction between the interlocutors in the communication process is presented potentially. The pragmatic characteristics of antonyms are revealed only in the act of communication with a certain person, which has a specific set of social and psychological features. A communicant in his speech uses antonyms not only to transfer factual information, but also to appeal to the mind and feelings of the listener. Due to specific features of its semantic structure and possible ways of combining with other linguistic units in the speech flow, antonyms help the speaker influence the recipient most effectively, stimulating a particular reaction in his thoughts or behaviour.

Thus, it can be argued that 1) while functioning in speech system antonyms acquire their pragmatic relevance; 2) the result of the speech adaptation of antonymic lexical meaning under the influence of internal factors (objective correlation, significative characteristics, as well as hidden pragmatic parameters) and external factors (location, time, communicative intention of the speaker) is the emergence of **pragmatic meaning of antonyms**.

The pragmatic meaning of antonyms reflects not only the opposite content

of the objects, features and phenomena of objective reality, but also contains certain additional information, indicating the addresser's attitude to the subject of speech, decodes the information about his age, gender and social status, the conditions under which the communicative act takes place and so on. The pragmatic meaning is the result of communication strategies of participants of verbal communication within a particular context and situation.

The formation of antonymic pragmatic meaning can proceed: 1) on the basis of semantics of lexicographically fixed antonymous units, and 2) as a result of secondary naming of concepts based on the variation of form and content. Let us analyze this using the following examples:

1) *Das heisst: Fifine wird Kundschaft finden, denn in der **Nacht** sind alle Katzen grau. Kapierst du nun endlich, warum es **Tag** wird?* [2, p. 184].

2) *Bessere Bilder, dachte er, wurde er nicht mehr malen, selbst wenn er **Tag und Nacht** zum Malen Zeit haben würde* [3, p.165].

3) *Heute scheinen wir keine stärkere, schmerzlichere Sehnsucht zu kennen als die, die **Tage und Nächte** jenes Sommers in uns lebendig zu erhalten* [3, p. 9].

In each certain case of using the antonyms *der Tag - die Nacht* the specification of the fixed lexical meaning of each of these words by actualisation of communicatively relevant semes takes place. "Any actualisation of meaning will be a communicative variation of meaning - its semantic variation according to their compounds" [4, p. 102].

As we can see, in the first situation, pragmatic meaning of words *der Tag - die Nacht* is realized due to the fact that the semes "light / dark time of a day" turned out to be communicatively relevant. In the second example the author draws attention to the fact of continuity, duration of process. The third case of using antonymic opposition *der Tag - die Nacht* emphasizes the importance of the events that took place at the moments marked by words *Tage* and *Nächte*.

Remaining usual by form, antonyms in different communicative situations acquire a new meaning, which is formed on the basis of their meaning in the language system, so it refers to the pragmatic variability of antonyms:

1) *In stolzem Zug, je eines der Eltern an Anfang und Ende, die fünf Jungen in genau gleichem Abstand aufgereiht, verschwand die Familie eilig hinter wildüberwucherten Insel...* [3, p. 23].

2) *Wenn es Leute gibt, denen solche Experimenten einfallen,.. und wenn es unter der Bezeichnung Wissenschaft läuft - das wäre Anfang vom Ende* [5, p. 163].

As we can see, semantic content of the same lexical units (*Anfang* and *Ende*) in different contexts may be absolutely different. In the first example, they reflect a concept of certain space segment, and in the second case they form a new concept "beginning of the end." Meaning transformation of this kind takes place due to redistribution of semes in the semantic structure of words *Anfang* and *Ende*. As a result of it, the meaning of one of the word stands out brighter than the meaning of another word. Thus, semantics of the word *Ende* overpowers the meaning of the word *Anfang* (the word *Ende* is emphasized). Due to the structural cohesion of similar structures and semantic processes of strengthening of some semes and weakening of the others, a kind of meaning updating of lexical items takes place, leading to new, unexpected perception of their contents.

It can be stated that behind the usual form of an antonym in speech stands much wider volume of information compared to the antonym in the language system. This fact is predefined by both pragmatic intentions of the speaker and internal factors: the sense of that being said will depend on the context in which

a certain antonymous pair will be used and a certain syntagmatic model:

1) *Ich hatte einfach von Geld anfangen, mit ihm darüber sprechen sollen, über das tote, abstrakte, an die Kette gelegte Geld, das für viele Menschen Leben oder Tod bedeutete* [6, p. 215] – alternative opposition.

2) *Mutter machte tatsächlich einen Versuch zu essen, sicher wollte das bedeuten: das Leben geht weiter oder etwas ähnliches, aber ich wußte genau: es stimmte nicht, nicht das Leben geht weiter, sondern der Tod* [6, p. 283] – categorical opposition of concepts.

Occurrence of occasional antonyms is a pair-wise use of words that are not antonyms officially, but can be considered such in a new, unusual, occasional situation. The basis of occurrence of antonymic units of occasional nature is the fact of coexistence of logical and expressive information in the structure of the word meaning. Seeing that feelings and emotions are the form of reflection of reality and are closely connected to mental activity of a person, they cannot but play an important role in changing the meanings of words [7, p. 319]. Emotional charge determines a kind of knockout of a word from one sphere of imagination into the other [8, p. 47].

Formation of antonyms of non-systematic nature and not subjected to regular reproducibility in speech acts, takes place due to communicative inclusion of connotative potential semes to their systematic meaning. The selection of language units which could correlate as occasional antonyms, is dictated by associations of a special nature ("associations of components of language units") [9, p. 16].

Such associations can differ by intensity and stability level. They can be constant; then one idea or image immediately causes another (in our case it will be usual form of antonymic correlations). And sometimes associations are unstable and even rather unexpected. These associations create conditions for occurrence of occasional antonyms:

...*Gehe ich vom Sein des Hundes in das Sein der Katze...* [3, p. 60].

To semantic structure of such lexemes as *der Hund* and *die Katze* potential semes "confrontation",

"hostility", "stronger", "weaker" are brought in, whereas a dog and a cat are usually considered to be hostile, irreconcilable creatures. Information of connotative plan, encoded in semantics of these lexical units, gives the possibility of image perception of concepts denoted by them.

Dieser Paterna ist kein Arzt, sondern ein Holzhacker [5, p. 376].

Potential semes 'professional - dilettante' acquire their pragmatic relevance, which makes it possible to perceive lexical units 'Arzt' and 'Holzhacker' as opposite in meaning.

Der Erwählte ist ein Fabrikant aus Lübeck - nein, nicht Marzipan; im Gegenteil: Fischkonserven! [5, p. 304].

Subjective emotional and evaluative attitude of the speaker to the subject of speech is transmitted through inclusion of connotative semes 'delicious, sweet, delicate taste - banal, rude' to the semantic structures of 'Marzipan - Fischkonserven'. Such a process helps to create the effect of semantic saturation of the utterance.

Boris Becker meinte, er spiele Tennis und Steffi Graf spiele Damentennis [10, p.11].

The first element of the opposition *Tennis - Damentennis* is emotionally and stylistically neutral. It hardly presupposes an antipode. However, in colloquial speech the word is capable of forming antonymous opposition with *Damentennis*, the semantics of which includes an emotional nuance of irony or contempt. Motivational basis of the onomasiological structure of the occasionalism *Damentennis* is the stereotype that women cannot play tennis good, be good drivers, etc.

- *Hast du gestern Fußball gesehen?*

- *Fußball nennst du das? Es war aber Antifußball* [10, p. 11].

The pragmatic importance of the antonymous pair *Fußball - Antifußball* is formed on the basis of negative subjective evaluation, which is achieved by presence of the derivational prefix *anti-*. The speaker tries to emphasize the low level of the football game, using the nominative unit *Antifußball*, atypical in terms of semantic relevance.

Thus, both usual and occasional changes in the structure of antonyms are always motivated: they adapt

traditional form and meaning to a certain communication situation. Following the principle of functionalism in our study, we came to a conclusion that antonyms are characterized by certain pragmatic potential. The meaning created as the result of functioning of antonymic units can be considered pragmatic meaning of antonyms. This phenomenon is of individual and creative nature.

References:

1. Stepanov Yu.S. In Search of Pragmatics. (Problem of subject), Yu.S. Stepanov., AS USSR. Ser. lit. and lang. – 1981., Vol. 40., No. 4., pp. 325–332.
2. 4. Valmy M. Der verzauberte Tag (eine wundervoll altmodische Geschichte), M. Valmy. – München., Goldmann Verlag, 1987. – 211 p.
3. Wolf Chr. Sommerstück., Chr. Wolf. – München., Luchterhand Verlag, 1989. – 215 p. [crossref https://doi.org/10.2307/40145610](https://doi.org/10.2307/40145610)
4. Sternin I.A. Lexical Meaning

of Word in Speech., I.A. Sternin. – Voronezh., Publishing house of Voronezh university, 1985. – 172 p.

5. Konsalik H.G. Promenadendeck., H.G. Konsalik. – München., Branvalet Verlag, 1985. – 480 p.

6. Böll H. Ansichten eines Clowns., H. Böll. – Köln., Kiepenheuer und Witsch Verlag, 1963. – 307 p. [crossref https://doi.org/10.2307/40118656](https://doi.org/10.2307/40118656)

7. Levytskyi V.V. Semaseology., V.V. Levytskyi – Vynnytsia., New book, 2006. – 512 p.

8. Sperber H. Einführung in die Bedeutungslehre., H. Sperber. – Bonn., Leipzig, 1923. – 47 p. [crossref https://doi.org/10.1515/if-1926-s107](https://doi.org/10.1515/if-1926-s107)

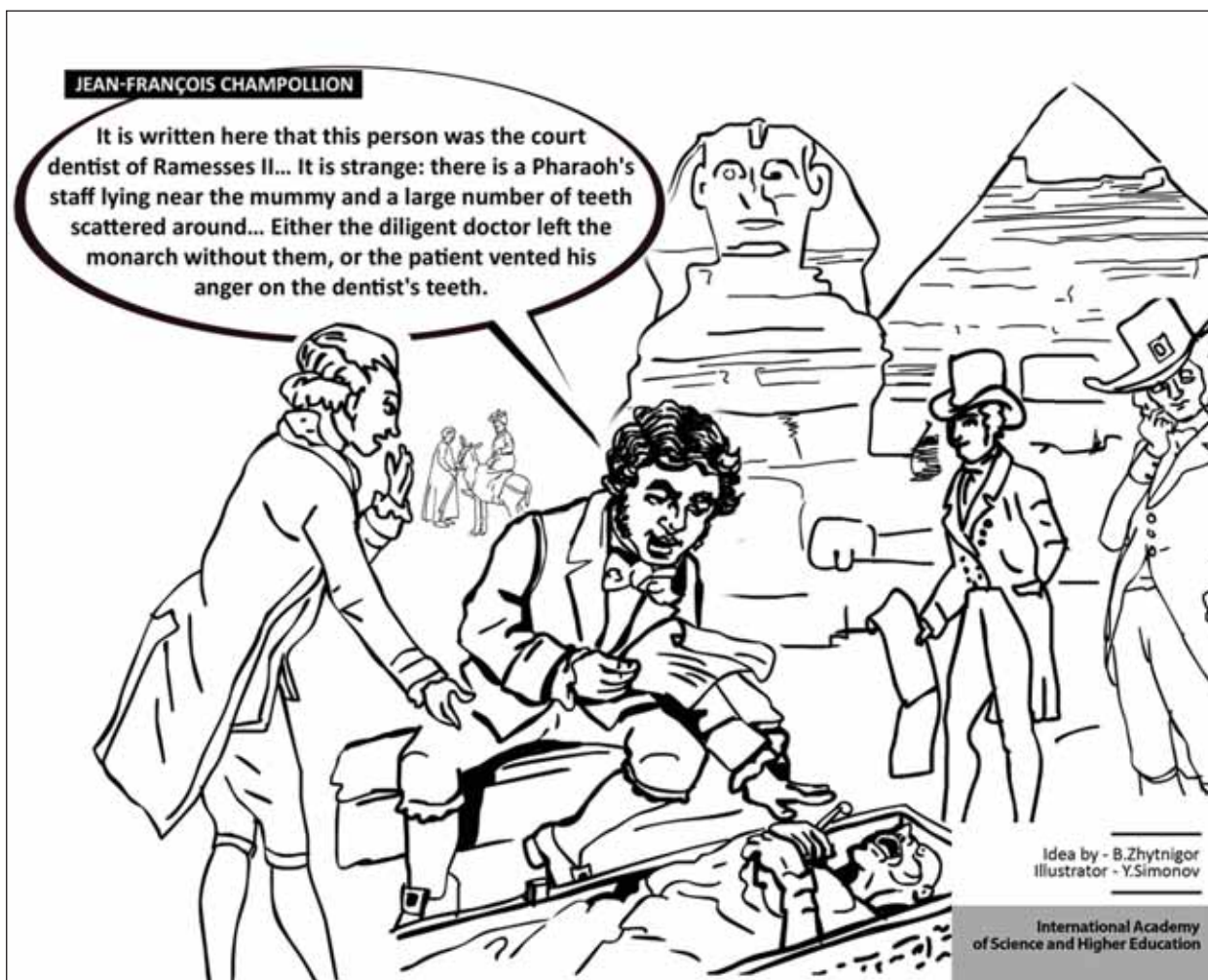
9. Komlev N.H. Components of Informative Structure of the Word., N.H. Komlev – [ed. 2, stereotypic]. – Moscow., Editorial URSS, 2003. – 192 p. [crossref https://doi.org/10.1515/9783110900538](https://doi.org/10.1515/9783110900538)

10. Müller W. Das Gegenwart-Wörterbuch: ein Kontrastwörterbuch mit

Gebrauchshinweisen., W. Müller. – Unveränd. Nachdr. der Ausg. von 1998. – Berlin; New York., de Gruyter, 2000. – 580 p. [crossref https://doi.org/10.1515/9783110827248](https://doi.org/10.1515/9783110827248)

Information about author:

1. Diana Movchan - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: d_movchan@i.ua
2. Galyna Chulanova - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: d_movchan@i.ua
3. Larysa Shchyhlo - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: d_movchan@i.ua
4. Olena Nazarenko - Lecturer, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: hapushka@rambler.ru

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

STATUS OF A NOUN IN THE COSMETICS ADVERTISEMENTS FOR WOMEN

O. Shumenko, Candidate of Philology, Associate Professor
N. Reva, Candidate of Philology, Assistant Professor
Sumy State University, Ukraine

The paper in question considers the current trends in studying the ad texts in terms of linguistics, as well as the insufficient level of studying of the noun status in the text. The object of the research is the noun in texts of cosmetics magazine ads for women; the subject – its semantic and functional features in the verbal-compositional sections of these texts. The aim of the research is to identify the status of nouns in the texts under study.

Keywords: noun, status of nouns, semantic characteristics, functional features, verbal-compositional sections.

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1482>

The noun occupies a dominant position in the advertising text, in which the nominal type of language and concrete type of human thinking are realised [3]. As a result of studying the noun semantic characteristics in sections of magazine advertising of cosmetics (MAC) for women, the following aspects of noun meaning were identified. First, a noun creates the concrete image of an advertising subject, namely:

1. The advertiser's company brand: "Easy breezy beautiful COVERGIRL" (slogan of Covergirl eye shadow ad) (8: 272); "Herbal Essences collections with built-in serum protecting from damage every time you shampoo and condition." (main text of Herbal Essences hair treatment means ad) (8: 379); "For your nearest Origins Store or to shop online, visit origins.com" (prescripator of face treatment means ad) (7: 34). Nouns designating the trademark name are presented not only in logos, but also in other compositional sections of advertising texts. The repetition of the brand name in different sections of MACs proves the intension of the advertiser to ensure its recognition and memorisation.

2. The subject of advertising (moisturizer, serum, eye-roller, lip stain, spray, lotion, eye shadow, nail enamel, lipstick, coverage, basecoat, strengthener, mascara, topcoat, growth treatment, lip colour, hairspray, shade, exfoliator, moisturizer, liner, shampoo, serum, condition, micro-roller, makeup-remover, mascara, hair remover, foundation, cleanser, corrector, luminizer, gloss, scrub, lotion, applicator, powder):

"Discover all II Nivea lip moisturizers at NIVEAusa.com" (prescripator of Nivea lip moisturizer ad) (8: 63), "I won't double up the foundation" (heading of Noxzema foundation primer ad) (7: 80) "Advanced Anti-aging serum and ultra-protecting anti-aging moisturizer SPF 15" (main text of the advertising of anti-aging products of Elizabeth Arden) (7: 185).

3. Technologies and mechanisms of influence (makeup, manicure): "...From America's leading brand in face makeup." (main text of Merle Norman foundation primer ad) (8: 354).

4. Styles, creative techniques (smoky-eye, nail-art): "Get the intensified smoky-eye" (heading of Covergirl eye shadow ad) (8: 273).

The mentioned nouns are presented in all verbal compositional sections of the MAC except for the logo.

Secondly, the nouns describing the context of goods usage are a characteristic of MACs [2]. This corpus is presented by the following nominations:

1. The object of cosmetic influence (skin, eyes, lips, lashes, body, hair, cheeks, nails). These nouns always coincide in heading and main ad text of the MAC. In most cases the woman's face and hair become the object of cosmetics advertising: "What are the extremely long, no-flake lashes worn this season?" (heading of Covergirl mascara ad); "It's the latest look in lashes..." (main text of Covergirl mascara ad) (6: 123); "Smoky eyes in shades that enhance your eye colour ..." (heading of Studio Secrets eye shadow ad); "... Dramatize your eyes in 4 easy steps ..." (main text of Studio Secrets eye shadow ad) (7: 324);

"Be natural at getting gorgeous hair" (heading of TreSemme hair treatment means ad); "Tresemme Naturals makes Hair 10x Stronger" (the main text of TreSemme hair treatment means ad) (7: 209).

2. The reason to apply the advertised product – cosmetic problems of different sources, the problem zones of a female body and face (dead flakes, dark spots, discolorations, skin-aging, pimples, crow's feet, pores, fine lines, wrinkles, photo-aging). Such nouns are the only carriers of negative semantics in MACs. It is irrational to avoid their usage, after all the motivation of the addressee to perform a desirable action is predetermined by indication of problems which need to be solved. Heading as the main attractor of an advertising text is not overloaded with lexemes of negative semantics. Due to the limited size of this unit, the trivial, habitual, not shocking nouns, the semantics of which indicates cosmetic problems, are used in it: "Now protect against photo-aging: The #1 cause of wrinkles" (heading of L'oreal wrinkles treatment ad) (7: 95); "How laser focus softens lines, wrinkles, and sun damage." (heading of Clinique wrinkles treatment ad) (8: 24). In a large-size main text of the ad the nouns indicating "terrible" problems are used, moreover, their quantity is higher than in heading: "... than Collagen smoothes away appearance of under-eye wrinkles and crow's feet ... Reduce puffiness and bags of rejuvenated eyes..." (main text of Elizabeth Arden wrinkles treatment ad) (8: 73); "... Eyes seem to magnify all those visible

aging sings: *fine lines, wrinkles and crow's feet, puffiness and dark circles, dryness and creepiness...*" (main text of Elizabeth Arden wrinkles treatment ad) (7: 85).

3. Target audience: singular and plural noun "woman/women" naming the addressee of a MAC. This noun is presented only in 15% (in 300 of 2000) of the texts under study. In case of usage in a certain compositional unit, semantics of such nouns is aimed at allocation of a concrete group of addressees, underlining that an advertised product is made especially for this group; as a result, this group is stimulated to perform a desired action. So, in the following examples it can be seen, how copywriters by means of the mentioned nouns appeal to the woman as if inviting her to join the wide circle of similar to her beautiful and happy ones: "*Women prefer infallible over the leading long wear lip colour.*" (main text of L'oreal lip gloss ad) (8: 205); "*For millions of women*" (heading of Dior anti-age serum ad) (8: 187); "*97% of women tested saw an immediate improvement in the look of skin around the eyes*" (heading of Elizabeth Arden anti-age eye serum ad) (7: 85).

Thirdly, the usage of nouns of certain semantics in MACs is caused by the advertising manipulative tactics:

1. Copywriters impose new growing "demands" actively using appeals to the addressee's values, which are also connected with the subject of advertising [2; 4]. Such values are created in MACs with the help of:

1.1 The nouns, the semantics of which is connected with the concepts of *style, fashion, science, technology, professionalism*. The usage of nouns like "expert", "salon", "dermatologist", "science", "technology" convince the addressee in efficiency and reliability of the advertised product, prevents thoughts about fakes, creates a valuable image of the so-called professional cosmetics: "*Your lips deserve expert care*" (heading of Sally Hansen lipstick ad) (6: 87); "*Created by our team of scientists and dermatologists, powered by 200 patents and counting*" (main text of Sally Hansen lipstick ad) (6, p. 87); "*Salon manicure made simple.*" (heading of Sally Hansen nail polish ad) (6, p. 85);

"*Somuel Gones. Professional stylist*" (prescriptor of TreSemme hair styling means ad) (7: 209);

1.2 The nouns "style", "fashion", "design", and also their derivatives and compounds with them in all sections of MACs (except for the logo and echo-phrase) for the purpose of exerting a suggestive influence on the addressee, convincing her that the subject of advertising is stylish and trendy: "... *fashion + culture + attitude*" (heading of Rusk hair colour ad) (6: 24); "*In the battle for being best this fall, great skin is your greatest weapon. Lauren Noon, designer at the fashion brand Express, has some points to share about wearing this season's styles well.*" (main text of Dove antiperspirant ad) (7: 201).

1.3 The nouns, the semantics of which indicates the names of famous persons (women from model and show business, films and TV screen), in such main verbal compositional sections as heading, main text of an ad and prescriptor; the purpose - ensuring the addressee in effectiveness and efficiency of an advertised product, creating an association between it and the perfect appearance of a real celebrity: "*Kate Winslet*" (prescriptor of Lancôme lifting means ad) (8: 15); "...*There's nothing else like it*" - *Cate Blanchett*" (subheading of SK-II facial serum ad) (8: 133). The usage of such nouns is caused by the need to ensure the association between the advertised product and the image of a real "star", as well as the recognition of the advertising image and the whole ad conception. Nomination of not widely known, but significant for the advertising concept individuals (images of experts, cosmetologists, stylists), are effective as well: "*Years of research by the renowned healthy aging expert, Dr. Nicholas Perricone.*" (main text of Perricone MD face cream ad) (8: 219); "*NYC celebrity makeup artist Mathew Nigara shares his secrets for irresistible looks*" (main text of NYC cosmetics ad) (7: 241).

2. The demonstration of differentiating signs and properties of the advertised product in comparison with the competitive goods. This is carried out by presentation of various chemical elements with the integral

seme "a natural component". So, the nouns "vitamin", "extract", "nectar" in the advertisement help to gain the trust of the addressee, to create a positive and objectified image of an advertising: "...*vitamin-enriched berry nectar...*" (main text of Maybelline lipstick ad) (6: 47); "*Colour crème with bamboo extract*" (heading of Garnier hair colour ad) (7: 52). Such nouns are stylistically collared, for they represent the nomenclature words. Despite the pragmatic efficiency of the latter, they do not reflect the main advertising argument; therefore their usage is not natural for all (except the heading and the main text) the size-limited verbal composite sections of MACs.

3. Indication of the exoticism and authenticity of the advertised product by means of stylistically collared nouns, which represent foreign and exotic words in French and sometimes in German [5]. Nouns of the French origin are used as indicators of a sophisticated taste, extravagance and elitism of the advertised product: "... *Crème gloss color...*" (subtitle of L'oreal hair color ad) (7: 237). Inclusion of foreign words in the text of an ad assumes that the representatives of the lingua-cultural community have the corresponding cognitive base, certain amount of knowledge and ideas, which would help them to decode the advertising information [1]. Therefore the list of such nouns is limited. Bright representatives of foreign words in MAC texts are nouns naming French and German brands, for example: "*L'oreal Paris*" (logo of all L'oreal ad texts); "*Today, for every woman, Lancôme creates our 1st Youth Activating Concentrate...*" (main text of Lancôme anti-age means ad) (7: 26); "*Schwarzkopf. Expert hair care for you*" (heading of Schwarzkopf hair care means ad) (6: 114); "*See before and after at clinique.com*" (a prescriptor of Clinique anti-wrinkle means ad) (8: 24).

Thus, in MACs noun semantics is aimed at creation of the image of the advertised cosmetic product, description of the context of its usage and manipulation of the consciousness of the MAC addressee. The research on nouns in genre texts of advertising is to be performed in future.

References:

1. Anisimova E.E. Lingvistica texta I megkyltyrnaya komynikaziya. Na materiale kreolizovanyih textov [Text linguistics and intercultural communication. On the materials of creolized texts], E.E. Anisimova. – Moscow., Academiya [Academy], 2003. – 128 p.

2. Ahmed Aiyad Sh. Leksiko-grammaticheskie sredstva predstavleniya tovara v gazetnoiy reklame [Lexical and grammatical means of presenting the goods in a newspaper ad]: dis. ... kand. filol. Nauk [Thesis by the Candidate of Philology]: 10.02.01., Sh. Aiyad Ahmed. – Voronezh., 2011. – 187 p.

3. Dudina E.P. Semantica i fynkzii

leksiko-grammaticheskikh ediniz v reklame [Semantics and functions of the lexical and grammatical units in advertising]: dis. ... kand. filol. Nauk [Thesis by the Candidate of Philology]: 10.02.01., E.P. Dudina – Severodvinsk., 2006. – 275 p.

4. Zirka V.V. Yazykovaya paradigma manipulyativnoy igryi b reklame [Language paradigm of a manipulative game in advertising]: dis. ... d-ra. filol. Nauk [Thesis by the Doctor of Philology]: 10.02.02., V.V. Zirka; Dnepropetrovskiy nazionalnyiy univrsitet [Dnipropetrovsk National University]. – Dnepropetrovsk., 2005. – 462 p.

5. Annals of the oradea university. Fascicle of Management and Technological Engineering., NR2 The

Stylistics of advertising Anamaria Mrabela, Monica Ariana, 2010. – Vol. IX (XIX). – P. 184. <https://doi.org/10.15660/auofmte.2010-2.1970>

6. Cosmopolitan. – 2010., No. 10. – 269 p.

7. Glamour. – 2010., No. 10. – 329 p.

8. In Style. – 2010., No. 9. – 600 p.

Information about authors:

1. Olga Shumenko - Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: shuma-81@mail.ru

2. Nataliya Reva, Candidate of Philology, Assistant Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: tasha-nat2013@yandex.ru

**INTERNATIONAL
ACADEMY**
OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

ACCREDITATION

- ◆ Authoritative accreditation
- ◆ Procedural accreditation
- ◆ Status accreditation
- ◆ Membership accreditation
- ◆ Expert accreditation

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- ◆ Standart certification
- ◆ Operative certification

PATENTING IOSCEAAD-775

- ◆ Standart patenting
- ◆ Operative patenting

<http://academy.iuci.eu>

INTRODUCTION OF MULTILINGUAL EDUCATION FOR INTEGRATION OF ETHNIC GROUPS LIVING IN GEORGIA

M. Balasanyan, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of "Russian Philology" of Educational faculty of Humanities and Social Sciences Samtskhe-Javakheti State University, Georgia

The educational system plays an important role in integration of the national minorities into the society. Integration of the national minorities requires their understanding of the State language, as well as protection of their own linguistic and cultural identity.

Therefore, the multilingual education in Georgia has the following main goals:

- to establish the system as the main instrument for integration of the national minority into the society;
- to establish an educational system as the main instrument for development of values of tolerance and the civil society;
- to ensure that the Georgian language is learned sufficiently by all residents of Georgia thereby ensuring their active participation in social and political life, as well as successful integration into the labour market.

Keywords: integration of national minority, Georgian language, multilingual education.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ВНЕДРЕНИЕ МНОГОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, С ЦЕЛЮ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОСОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГРУЗИИ

Баласанян М. А., канд. филол. наук, ассоциированный проф., руководитель направления по «Русской филология» факультета Просвещения, гуманитарных и социальных наук Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия

Система образования играет важную роль в интеграции национального меньшинства в общество. Интеграция национальных меньшинств требует понимания их государственного языка и защиты от их собственной языковой и культурной самобытности.

Таким образом, многоязычное образование в Грузии имеет основные цели:

- установить систему в качестве основного инструмента для интеграции национального меньшинства в общество;
- создать систему образования в качестве основного инструмента для развития ценностей толерантности и гражданского общества;
- обеспечить, чтобы грузинский язык изучался в достаточной мере всеми жителями Грузии, чтобы дать им возможность активно участвовать в общественно-политической жизни и успешно интегрироваться на рынок труда.

Ключевые слова: интеграция национального меньшинства, грузинский язык, многоязычное образование.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1483>

Образование – вопрос, интересующий всех нас. Его обсуждают на международных форумах, на сессиях, конференциях. Мы придаем большое значение образованию, так как желаем, чтобы наши дети преуспели в жизни и добились больших успехов, чем мы сами.

Образование – это не только ворота к личному успеху и социальному развитию. Правильно выбранный тип образования способствует сплочению наших обществ.

Говоря об образовании, Грузия получила сложное и противоречивое наследство.

Старая система образования имела свои преимущества: она стремилась к всеобщей грамотности, у мальчиков и девочек были равные образовательные возможности, поощрялось образование на родном языке.

Однако старая система обладала серьезным недостатком - не был учтен вопрос интеграции, образование предоставлялось по принципу разделения: грузины обучались в грузинских школах, русские - в русских, армяне - в армянских, список можно продолжать. Преподавание грузинского языка в школах меньшинств было

необязательным. Система не способствовала распространению грузинского языка как общепринятого языка среди населения Грузии. В результате, меньшинствам не было нужды учить грузинский язык. Система также мало способствовала межэтнической интеграции. Такой режим не способствовал развитию терпимости и взаимопониманию среди молодежи различной национальной принадлежности.

Доступ к высшему образованию выпускников школ национальных меньшинств также заметно осложнился. В советские времена, многие дети меньшинств могли бесплатно обучаться в сопредельных республиках. Так, многие граждане Грузии, принадлежащие к армянской диаспоре, уезжали обучаться в Ереван. Но с тех пор, как появились государственные границы, ситуация осложнилась. Тем временем, возможности получения высшего образования дома также сократились. В основном это связано с уменьшением или прекращением обучения на языках меньшинств в высших учебных заведениях. Еще одной причиной послужило введение системы независимого тестирования, предназначенного для оценки академических способно-

стей абитуриентов высших учебных заведений. Такое тестирование, проводимое на языке большинства, является вызовом для детей, обучавшихся только на родном языке.

Такая разрушительная политика привела к очень сложному состоянию дел.

Во-первых, в Грузии значительное количество национальных меньшинств не владеет государственным языком. Согласно переписи населения Грузии, проведенной в 2002 году, только 31% национальных меньшинств свободно говорит на грузинском языке. К тому же, среди представителей меньшинств, свободно владеющих грузинским языком, большинство проживает в столице или в районах со смешанным населением. Владение языком в отдельных районах, где население представлено моноэтническим меньшинством, намного ниже. Однако позволю себе заметить, что низкие показатели владения грузинским языком не является виной меньшинств.

Во-вторых, представители национальных меньшинств не знают историю, географию и культуру Грузии.

В-третьих, школьники из разных этнических групп редко общаются

друг с другом и почти не взаимодействуют в школьной обстановке.

В-четвертых, в 1992 году вся межгосударственная система школ национальных меньшинств разладилась. В результате, такие школы столкнулись с проблемами нехватки учебников, учителей и возможности повышения квалификации учителей. Все это произвело неблагоприятный эффект на качество обучения в школах, преподающих на языках меньшинств, и, в итоге, на карьерах и перспективах на будущее их выпускников.

Мы должны спросить себя: «Как нам справиться с таким наследством?»

В некоторых государствах обучение на родном языке подверглось нападкам. Закрываются школы с обучением на языках меньшинств. Началась скрытая или откровенная дискриминация в снабжении ресурсами школ с обучением на языках меньшинств. Родители из числа представителей меньшинств подверглись разного рода давлению с целью перевода детей в школы с обучением на языках большинства. Власти оказались не в состоянии предоставить информацию об основополагающем праве на получение образования на родном языке. Перспективы выпускников школ с обучением на языках меньшинств на поступление в высшие учебные заведения и на успешную карьеру приобрели мрачный оттенок.

Такой подход едва ли способствует гармоничным межэтническим отношениям. Но порождает ярость и разочарование среди меньшинств.

Правительство Грузии до сих пор обладало достаточной рассудительностью, чтобы избежать подобных эксцессов.

Наступил подходящий момент, чтобы напомнить всем нам о том, что обучение на родном языке является неременным условием для полноценного развития ребенка. Международные исследования подтверждают это. Когда ученикам в школе косвенно или открыто заявляют: «Оставьте свой родной язык и культуру за дверями школы», на самом деле детей просят отречься от того, кто есть. Такая политика может отрицательно повлиять на их интеллектуальное и психологическое развитие, внушить

чувство неполноценности или негативно оказаться на учебных успехах. В результате, эти дети не владеют ни родным, ни государственным языком на уровне, необходимом для успешной профессиональной или личной карьеры. Такой подход к обучению в школе разбивает нашу цель - образование для всех.

С другой стороны, старая система не может существовать вечно. Ни Грузия, ни одно другое государство не может позволить себе каждый год продолжать выпускать школьников, не владеющих государственным языком. Нельзя оставлять этих молодых людей на задворках общества. Нельзя оставлять их без возможности работать на государственной службе страны, без возможности поступить в высшее учебное заведение или получить хорошую работу в частном секторе.

Как же нам совместить уважение к родному языку ребенка с изучением государственного языка?

Многоязычие способствует языковому и общеобразовательному развитию детей. Профессор Джеймс Куммине, выдающийся исследователь развития грамотности в контексте многоязычных школ, пишет, что двуязычное или многоязычное обучение помогает детям глубже понимать язык и более эффективно применять его. Они получают больше практики и применение языка, особенно в условиях развития грамотности при изучении обоих языков. Они способны сравнивать и противопоставлять средства обоих языков, с помощью которых они воспринимают реальность. Более 150 исследований, проведенные за последние 35 лет, подтверждают идею философа Гете однажды сказавшего: «Кто не знает иностранных языков, тот не имеет понятия о своем собственном». Все исследования доказывают, что в результате восприятия информации посредством двух и более языков, многоязычные дети могут развить большую гибкость мышления.

Преимущества двуязычного или многоязычного обучения не ограничиваются учебными достижениями. С помощью таких форм обучения все этнические группы получают возможность осознать, что они проживают в многоязычном и поликультурном

обществе. Еще в 1937 на Международной конференции по обучению, прошедшей в Женеве, была принята рекомендация 11, в которой говорится, что знание нескольких языков развивает уважение к другим культурам. Эмпирические данные, полученные в регионе действия ОБСЕ, подтверждают это. В результате преподавания ряда предметов посредством второго или даже третьего языка, школьники и студенты развивают позитивное отношение к другим языкам и культурам. Что более важно, после окончания школы они остаются положительно настроенными в отношении других языковых сообществ.

Двуязычное и многоязычное обучение способствуют тому, что индивидуумы идентифицируют себя не только с членами определенной этнической группы. Оно помогает различным сообществам осознать, что все мы обладаем разной и общей ролевой идентичностью. Таким образом, возвращение населения, свободно владеющего двумя или более языками, способствует участию всего населения в общественной жизни страны.

Комплексная коммуникационная компетенция, включая плюрилингвизм и межкультурное понимание, является ресурсом в глобальном мире, где развиваются международные отношения и мобильность. Это ресурс в национальной и международной политике и торговле, и в долгосрочной перспективе может стать экономической силой для страны. Исходя из этого, будущее состоит в замене многолингвального мышления плюрилингвальным мышлением, когда в разных ситуациях взаимосвязаны и взаимодействуют несколько языков. А также оно состоит в межкультурной компетенции. Оно включает в себя комбинации языков, навыков и подходов, которые дают возможность разъяснения, понимания, и получения помимо собственных, еще и жизненных путей и путей мышления. Такая комплексная коммуникативная компетенция не мешает коллективной самобытности, так как не существует врожденного соответствия между самобытностью и только одним языком.

Подводя итоги, я могу сказать, что двуязычному обучению удастся совместить в себе основополагающие права и концепцию интеграции. Оно помогает убить двух зайцев одним выстрелом: сохранять и развивать чувство принадлежности к меньшинству и, в то же время, стремиться к свободному владению государственным языком. В свою очередь, владение государственным языком открывает не только двери для полного и эффективного участия в общественной жизни и работы не только в районах проживания конкретного меньшинства. Такой тип обучения помогает нам ввести в наши многообразные общества набор общепринятых ценностей. Одним словом, оно помогает нам

построить общий дом, где каждый имеет значение, и никто не чувствует себя второсортным.

Reference:

1. Vishnevskaja G.M. Bilingvizm i ego aspekty: ucheb. posobie [Bilingualism and its aspects: Textbook]., Ivan. gos. un.-t [Ivanovo State University], 1997, p. 99
2. Rogozin D. Mul'tilingvizm kak social'nyj kontekst jazyka [Multilingualism as the social context of language]. - 1999, p. 180
3. Salome Mehuzla i Jejdin Roshe. Nacional'nye Men'shinstva i Obrazovatel'naja Reforma v Gruzii [National minorities and educational reform in Georgia]. Rabochij Doklad [Working Paper] ECMI No.46b, 2009

Литература:

1. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты: учеб. пособие., Иван. гос. ун.-т, 1997, с. 99
2. Рогозин Д. Мультилингвизм как социальный контекст языка. - 1999, с. 180
3. Саломе Мехузла и Эйдин Роше. Национальные Меньшинства и Образовательная Реформа в Грузии. Рабочий Доклад ЕСМИ №46б, 2009.

Information about author:

1. Mariana Balasanyan - Candidate of Philology, Associate Professor, Head of "Russian Philology" of Educational faculty of Humanities and Social Sciences, Samtskhe-Javakhet State University; address: Georgia, Akhaltsikhe city; e-mail: amadan1@rambler.ru

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

MULTISECTORAL SCIENTIFIC-ANALYTICAL FORUM FOR PROFESSIONAL SCIENTISTS AND PRACTITIONERS

MAIN GOALS OF THE IASHE SCIENTIFIC CONGRESSES:

- PROMOTION OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC COMMUNICATIONS AND COOPERATION OF SCIENTISTS OF DIFFERENT COUNTRIES;
- PROMOTION OF SCIENTIFIC PROGRESS THROUGH THE DISCUSSION COMPREHENSION AND COLLATERAL OVERCOMING OF URGENT PROBLEMS OF MODERN SCIENCE BY SCIENTISTS OF DIFFERENT COUNTRIES;
- ACTIVE DISTRIBUTION OF THE ADVANCED IDEAS IN VARIOUS FIELDS OF SCIENCE.

FOR ADDITIONAL INFORMATION
PLEASE CONTACT US:
www: <http://gisap.eu>
e-mail: congress@gisap.eu

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE
CHRONOTOPE IN THE NOVEL «THE
TIME OF WOMEN» BY E. CHIZHOVA

Yu. Pykhtina, Doctor of Philology, Associate Professor
Orenburg State University, Russia

The semantic varieties of space and time based on the content-related and functional criterion are considered in this paper on the example of the novel «The time of women» written by the modern writer E. Chizhova living in St. Petersburg. The principles of the author's artistic world organization, based on coexisting and interpenetrating worlds (past and present, reality and dreams, the world of living and the dead, life and myth, reality and convention) are pointed out; their meaning in the structure of the artistic whole is defined. The artistic chronotope is proved to be one of the most important means of realization of the author's idea.

Keywords: space, time, chronotope, multipolar world, dreams, memory, creativity, E. Chizhova.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ХРОНОТОПА
В РОМАНЕ Е. ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ
ЖЕНЩИН»

Пыхтина Ю.Г., д-р филол. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

В данной статье на материале романа «Время женщин» современной петербургской писательницы Е. Чижовой рассматриваются семантические разновидности пространства и времени по содержательно-функциональному критерию. Выявляются принципы организации художественного мира автора, составляющими которого являются сосуществующие и взаимопроникающие миры (прошлое и настоящее, явь и сновидения, мир живых и мир мертвых, быт и миф, реальность и условность), определяется их значение в структуре художественного целого. Доказывается, что художественный хронотоп является одним из главных средств воплощения авторского замысла.

Ключевые слова: пространство, время, хронотоп, многомирие, сновидения, память, творчество, Е. Чижова.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1484>

В ряду разноаспектных исследований художественного пространства и времени в настоящее время выделяется функционально-семантический подход, который предполагает системное описание пространственных образов и моделей в тесной связи с событийным уровнем, системой пространственных взаимоотношений персонажей, пространственной точкой зрения автора и героев, другими значимыми компонентами художественного текста.

Особенно актуальным представляется, на наш взгляд, исследование в данном аспекте произведений новейшей литературы, в которых наблюдается совмещение, взаимное наложение различных пространственно-временных моделей, за счет чего существенно углубляется проблемно-тематическое и идейное содержание текста. В данной статье для анализа был взят букеровский роман Е. Чижовой¹ «Время женщин» (2009). Выбор материала исследования обусловлен полифункциональностью и особой значимостью пространственно-временных характеристик для раскрытия характеров персонажей и замысла произведения в целом.

Как справедливо заметила Е. Погорелая, «этот роман <...> выстроен по законам полифонического мышления, на принципе контрапункта: одно-временном и равнозначном движении нескольких голосов, в данном случае – голосов «бабушек» Ариадны, Гликерии и Евдокии, а также всех остальных персонажей, то воспоминаниями, то собственными версиями происходящего перебивающих сказовую старушечью речь» [4].

Многоголосие в романе усиливается, по нашим наблюдениям, сосуществованием и взаимопроникновением мира прошлого и мира настоящего, мира яви и мира сновидения, мира живых и мира мертвых, мира бытового и мифологического, мира внешнего и внутреннего, мира реального и условного. Разобраться в концепции многомирия, моделируемого Е. Чижовой, помогает пространственно-временной анализ.

Повествование, расслаиваясь уже в самом начале произведения: «я» рассказчицы, известной художницы Сюзанны, плавно переходит в «я» ее матери, Антонины, дробится на другие «я» – Гликерии, Евдокии, Ариад-

ны, Николая, Соломона. Из множества фрагментов как мозаика складывается трагическая история трех поколений женщин, которых судьба свела в ленинградской коммуналке в далекие 1960-е.

Это расслоение характерно и для других уровней произведения. Так, например, в бытовое пространство настоящего влетают картины прошлого. Памятью Антонины высвечиваются одно за другим важнейшие события ее жизни: «Лук крошу, а сама киваю: старухам виднее – пора так пора. А чего скажешь? Строгие. Где уж мне против них?... Прежде-то жила в общежитии, в тесноте, да не в обиде – комната на восемь коек. А нынче – вольно... Спасибо месткомовским. Зоя Ивановна так и сказала: «Чего уж теперь... Разве дите виновато? Родила так родила – обратно не пихнешь» [5]².

Событийный ряд выстраивается постепенно: от главы к главе из скудных реплик-воспоминаний мы узнаем о рождении Сюзанны от случайного знакомого («Только имя и знаю. Ни адреса, ни фамилии...»), о тяжелой работе Антонины на вредном произ-

¹ Елена Чижова (р. 1957) – петербургская писательница, лауреат премии «Русский Буккер», автор романов в «Крошки Цахес», «Лавра», «Орест и сын», «Время женщин», «Полукровка», «Терракотовая старуха».

² Здесь и далее роман цитируется по изданию: Чижова Е.С. Время женщин: романы. – М., АСТ, Астрель, 2010. – 348 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=139135>

водстве и ранней ее смерти от рака, о семилетней немоте Сюзанны, о мужестве трех старух – соседок по коммуналке, сумевших добиться опекуна над осиротевшей девочкой.

Особое внимание следует обратить, на наш взгляд, на противопоставление и сопоставление в романе «этого» и «потустороннего» миров. Немота маленькой девочки не дает ей возможности осознавать окружающий мир так же, как осознают его здоровые дети. Она не может задать вопросы, не знает, все ли ей сказали, и правильно ли она поняла сказанное. На основе собственного зрительного и слухового опыта она создает в своем воображении определённый образ реальности («*В середине – комната. Мама на кровати лежит. Бабушки шептались: всё у нее отрезали. Как же – всё? Вон и ручки у нее остались, и ножки. Чашку взяла, водичку пьет. Снова перепутали. Ничего не знают...*»).

Девочка постоянно находится среди старух, которые собираются на тот свет: готовят одежду, в которой их хоронить будут, узнают, сколько стоят похороны, поминки, спрашивают друг у друга, кто из их общих знакомых ещё жив, а кто уже умер. И Сюзанну начинает интересовать – где же он, тот свет, о котором так много говорят.

Первый «портал» в «тот свет» – зеркало. В зеркале отражается маленькая девочка и кусочек комнаты. Девочка эта похожа на Сюзанну («у нас и платья одинаковые»), но играть ей не с кем – бабушек у неё нет. А вот когда они «умрут, к той девочке отправятся, с ней будут жить. Девочка их встретит, обрадуется. Только комнатка у неё маленькая – жить тесно. Пусть и комнаты их умрут – чтобы всем разместиться». Мама девочки причёсывается у зеркала – «снова на тот свет собирается».

Второй «портал» появляется, когда Антонина приносит девочке книгу, из которой можно вырезать и построить домик, и поселить туда семью – папу, маму и дочку. Так девочка из зеркала переселяется в этот домик. Процесс перехода из нашего мира на тот свет девочка заимствует из сказки, рассказанной бабушкой Ариадной – девочка иголкой укалывает руки куклам и укладывает их спать

лицом вниз: «Мама, папа, девочка у них маленькая. А бабушек нету. Поэтому что это – другая девочка. Папа с мамой у неё умерли, а бабушки со мной живут...».

Третий «портал» – телевизор, который Антонина приносит домой для Сюзаночки, чтобы смотрела и развивалась. По телевизору показывают первомайский парад 1941 года, бабушки заметив, что запись старая, довоенная, неожиданно догадываются о том, что все эти молодые и красивые люди, участники праздничного шествия, уже мертвые: кто на войне погиб, а кто в блокаду. Девочка внимательно слушает их разговор и размышляет перед сном – «Не пойму – чего говорили? В телевизоре все, что ли, мёртвые? И дядька этот?...».

Мир мёртвых для девочки реален и близок. Он такой же, как и окружающая действительность. «Тот свет» постепенно расширяется в сознании маленькой героини – «умирает» кукольный домик, «умирает» парад из телевизора. Но время там замерло. Нет будущего и прошлого – всё только здесь и сейчас. Девочка всегда останется девочкой, парад навсегда замрёт.

Сюзанна чувствует этот мир как что-то очень близкое, с чем можно наладить связь. «Нарядила. Губами шевелю. Ну и пусть не слышно. Они же у меня мёртвые – всё, небось, слышат».

Смерть воспринимается девочкой как нечто обыденное и само собой разумеющееся. Смерть – лишь переход из этого мира в зазеркалье, или кукольный домик. Больше всего девочка боится, что что-то пойдёт не так – она останется одна, «а вокруг пусто: все на тот свет ушли, и бабушки, и мама...».

Грань между этими двумя мирами очерчивается, когда умирает Антонина. Девочка осознаёт себя принадлежащей миру живых и начинает говорить. Однако детские переживания хранятся глубоко в ее памяти и подсознательно проявляются в творчестве. На картинах взрослой Сюзанны четко выделяется низ – скучный, серый, тяжеловесный, и верх – яркий, праздничный.

Тот свет вторгается в сознание героев романа и через сновидения. Литературоведы давно заметили, что

сновидения, вводимые в текст художественного произведения, всегда являлись приемом, имевшим особый смысл. В романе «Время женщин», на первый взгляд, сны имеют физиологическое значение, подсознательно в них отражается страх, боль, тошнота. Например, у Антонины нарывает палец – во сне его отрубают и она, почувствовав резкую боль, просыпается («За окном черно – ни огонька, ни звездочки. Тошно мне, тошно... «Неспроста ведь, – думаю, – и палец этот, и сон...»). Однако большинство сновидений предвещают близкую смерть Антонины, причем снятся они не только самой Антонине, но и Евдокии, («И кошки под утро снились. – Черные, что ли? – Всякие, – отвечает. <...> Видно, – говорит, – плохое ее дело. В таком-то возрасте процессы, ох, шибко идут...»), и Николаю (Вот иду, будто. А в руках смотровая. Только без выбора – бери что дают. Подхожу, а дверь-то открыта. Вроде ждут меня. Комната большая, просторная, только без мебели. <...> «Где, – спрашиваю, – свободная?» – «Так вот же, – отвечают. – Вселяйся». На дверь мне указывают. «Как же, – удивляюсь, – вселяйся? Антонина ж там...» – «Переехала она, – утешают. – Считаю, совсем переехала...»).

Сны Антонины мифологичны, как мифологична сама структура романа. Сквозным мотивом всего повествования является вязание, мотание и распускание ниток тремя старухами, Ариадной, Евдокией и Гликерией, символизирующими судьбу человеческую, путанную и конечную (греческие мойры), но не безвыходную (нить Ариадны). Сон незаметно переплетается с явью: во сне Антонина находит решение своей главной проблемы – ценой своей жизни избавляет от немоты дочь; наяву старухи, женив Николая на умирающей Антонине, добиваются опекуна над Сюзанной, не являясь ее родственницами и тем самым спасая ее от детдома.

Настойчиво повторяющиеся детали наяву и в снах разных героев (размотанные клубки, рваные, перепутанные нитки) имеют магическое значение и оттенок какой-то особой, индивидуально-авторской гипнологии. Сон дарит уставшей от работы,

вечных очередей и тяжелых забот Антонине радость и свободу: «И радостно мне стало. В Москве-то доктор живет. Сюзанночку от немоты излечит. <...> Дура я, дура. Смерти напугалась. А смерть-то веселее жизни...». Именно поэтому сновиденческое пространство безгранично: «Лежу, а не сплю вроде. Только понять не могу. Будто в деревне я, за околицей. А дорогу не помню, вроде и нет дороги. Снег. Все белым бело. Назад обернулась следы свои найти. Нету: ни своих, ни чужих. Огляделась деревню поискать – может, дымки над крышами? Гляжу: ни крыш, ни дымков. «Как же, – думаю, – я-то сюда пришла?». Стою, на себя дивлюсь – испугаться бы, да нет, не страшно...; «Голову подняла: гора высокая. А на горе башня. До самого неба дотянулась. И радио, слышу, играет – громко, по всей земле».

Важнейшее значение имеет в романе и время. Бытовое время насыщено событиями: «Так и повелось: сама на работу, с работы – по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить». Анонгина дает меткую характеристику своему восприятию времени – «бывает, год за день», а бывает и «день за год». Во сне же время, как и пространство, наделяется магической силой. Именно во сне, когда Антонина уговаривает отца Сюзанночки избавить ее от немоты, она пытается определить срок своей жизни: «Долго нынешний долг отдавать?» – «Долго, – говорю. – Может, полгода, а может статья, и год...» – «Это, – разъясняет, – недолго: в наших краях день за год...».

Пересечение двух временных эпох (1960-е – время Антонины, 1990-е – время Сюзанны) связывается памятью. Взрослая Сюзанна не помнит детство, и чувствует, что ей не хватает чего-то очень важного: «Я старалась вспомнить, но память упиралась в глухую стену: ворота, грязно-белая лошадь, темный деревянный гроб. Платья я тоже не запомнила, но у бабушки Гликерии было такое же, вот мне и кажется, будто я помню. А еще я боялась, что не стану настоящим художником. Так говорила Лариса Евгеньевна: настоящий художник должен помнить самое раннее детство».

«Собирая по крупицам» своё прошлое, героиня Е. Чижовой пытается противостоять вечному закону течения времени и трансформации пространства. Внешний мир изменился до неузнаваемости. Однако настоящее в сознании взрослой состоявшейся художницы, чьи картины покупают и музеи, и частные коллекционеры, во все не в 1990-х, а в далеких 1960-70-х: «Я сделала ремонт и перевезла мебель – все, что осталось от бабушек... <...> Что-то пришлось реставрировать, но теперь в моей квартире нет ничего нового: ни шкафов, ни диванов, ни кресел. <...> Иногда я стелю камчатную скатерть с розами и представляю, как мы садимся вокруг стола – и отец, и мама, и бабушки. Это для них я купила такую большую квартиру. Чтобы у них был дом, в котором больше не страшно, потому что это – наши комнаты и их никто не отнимет».

Память противостоит уничтожающей силе времени. **Неразрушимая, на первый взгляд, граница между миром прошлого и миром настоящего стирается благодаря памяти Сюзанны, и значит, память преодолевает смерть:** «Теперь я всегда с ними, даже если они меня не видят, как будто между нами глухая стена. Но я все равно хожу. Сяду, посижу и снова встаю к мольберту, чтобы, превращаясь в другую, памятьливую девочку, слушать их голоса».

Таким образом, выделенные компоненты пространственно-временной организации романа «Время женщин» (прошлое и настоящее, явь и сновидение, мир живых и мир мертвых, мир бытовой и мифологический), совмещаясь, становятся продуктивным средством раскрытия идеи произведения, которая, по словам самой писательницы, связана с извечным столкновением добра и зла и темой духовной преемственности («Мы не понимаем, что такое добро и зло, а вот эти старухи, которые, как мне кажется, живут в моем романе – при всем том, что они приспособились к своему времени, – они абсолютно точно это понимали. Понятия о добре и зле передаются не через учебники. Они передаются не через романы. Они передаются только из уст в уста. От прабабушки к бабушке. От бабушки

к матери. От матери к дочери» [1]), а также проблемой сохранения исторической памяти («Одна из мыслей, которые обуревали меня очень давно, это попытаться представить себе, почему в России нет исторической памяти. Каждое поколение должно передавать какой-то свой опыт. Вот этот опыт не передается» [2]), «Я не могу свести книгу к одной идее. Одна из целей – показать советскую историю, какой она была в Ленинграде, глазами простых людей, не так, как это описано в учебниках, потому что они (учебники) не уделяют внимания простым людям. Мне хотелось эту ситуацию оживить, понять, почему у нас все получается именно так. В книге есть фраза (она написана в главе, где взрослая девочка рассуждает о своей жизни, говоря о человеке, которого она любила, и который предлагал ей уехать, а она не согласилась), что «уезжать поздно, но если бы ты сейчас предложил я бы согласилась», – она для меня очень важна. Потому что жизнь устанавливается не по смыслу, а по уровню людских душ» [3]).

References:

1. Babickaja, V. Vremja babushek [The Time of Grandmothers], Interview with E. Chizhova on OpenSpace.ru of 11.12.2009., Access mode: <http://os.colta.ru/literature/events/details/14929/>
2. Vol'tskaja, T. «Vremja zhenshhin [The Time of Women] Eleny Chizhovej., Interv'ju na radio of [Radio interview] 04.09.2009 Svoboda. [Freedom], Access mode: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1814646.html>
3. Elena Chizhova: Sovremennomu chitatelju ne hvataet iskrennej literatur [The modern reader lacks the genuine literature]., Konferencija s E. Chizhovej na AIF.RU ot 18.05.2010. [Conference with E. Chizhova on AIF.RU on 18.05.2010], Access mode: <http://www.aif.ru/onlineconf/1392317>
4. Pogorelaja, E. V poiskah ozvuchennogo vremeni [In pursuit of the announced time]., Elena Pogorelaja., Voprosy literatury [Issues of literature]. – 2010., No. 3, Electronic resource. Access mode: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/po11.html>

5. Chizhova, E.S. Vremja zhenshin: romany [The Time of Women: novels], Elena Semenovna Chizhova. – Moskva., AST: Astrel', 2010. – 348 p. Electronic resource. Access mode: <http://www.litmir.co/br/?b=139135>

Литература:

1. Бабицкая, В. Время бабушек., Интервью с Е. Чижовой на OpenSpace.ru от 11.12.2009., Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/14929/>

2. Вольтская, Т. «Время женщин» Елены Чижовой., Интервью на радио от 04.09.2009 Свобода., Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1814646.html>

3. Елена Чижова: Современному читателю не хватает искренней литературы., Конференция с Е. Чижовой на AIF.RU от 18.05.2010., Режим доступа: <http://www.aif.ru/onlineconf/1392317>

4. Погорелая, Е. В поисках озвученного времени., Елена Погорелая., Вопросы литературы. – 2010., № 3., Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/po11.html>

5. Чижова, Е.С. Время женщин: романы., Елена Семеновна Чижова. – Москва., АСТ: Астрель, 2010. – 348 с. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.litmir.co/br/?b=139135>

Information about author:

1. Yuliana Pykhtina - Doctor of Philology, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg city; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

PLATO NICK

International multilingual social network for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries; Demonstration and recognition of creative potential; Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

ABOUT THE SUBJECT OF THE ANTHROPOCENTRIC PARADIGM IN MODERN LINGUISTICS

V.S. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The author considers the topical theoretical issues of a modern anthropocentric paradigm of scientific knowledge. Some data were provided from the history of formation of anthropocentric linguistics as the special direction of the science about language. In this direction the question of a human factor is considered to be essential by the language. Influence of this factor is treated by the author as interaction of such concepts as «person» and «language». In general, the anthropocentric approach to language is focused on the world of semantics and mental activity of the person.

Keywords: anthropocentrism principle, anthropocentric linguistics, language and person, human factor in language, linguocentric approach, anthropocentric approach.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1485>

The state of modern linguistics cannot be characterized by any one general scheme, as the object of this science – human language, is so complex and many-sided. Richness of modern science about language is explained first of all by the high level reached by linguistics today. These achievements promoted understanding of a special role of linguistics in the general system of modern branches of scientific knowledge, and not only humanitarian. On the other hand, linguistic knowledge was demanded in all spheres of human activity because all kinds of activities are connected with language directly. The truth is shown in the slogan by M. Heidegger: “Language is the house of the truth of Being”. This “house”, clearly, is so huge and many-sided that it should be not simply mastered once, but constantly investigated; its new secrets must be revealed. On this way of knowledge about the nature of language the linguistics has reached quite a high level by the late 20th – early 21st century. A phenomenon generally called linguistic expansionism can serve as an evidence for this. This expansionism is shown not only in use of linguistic knowledge in all other scientific branches (and not only humanitarian), but also in solution of practical, applied tasks. It is known that in the modern world the level and importance of every science is defined first of all by the ability to solve practical issues. And in this area the applied linguistics clearly demonstrates the high general level of modern science about language. On the other hand, the linguistic expansionism is also manifested by emergence of new branches of scientific knowledge of

interdisciplinary character, the names of which include the word “linguistics”.

Deepening of scientific reflection and high level of modern linguistics forces the scientific community not only to comprehend new achievements, to assess them somehow, but also to think of prospects and trends of further development of language science. The questions appearing thus are related not only to the destiny of the object of linguistics – human language, but also the prospects of further development of both - the science in general and its separate branches. The title of the book, written by one of the leading linguists of the present - Vyacheslava Ivanova, is very indicative in this regard: “Linguistics of the third millennium: questions to the future” [2]. These questions concern the destiny of linguistics in general, as well as its separate branches. It is clear that the greatest interest is caused by those directions, theories and concepts which aren’t simply relevant today, but are also considered to be scientifically significant in the future. The branch widely called anthropocentric linguistics should be considered to be one of such directions.

The anthropocentric linguistics (and respectively - the anthropocentric paradigm) hasn’t gained full and conventional “nationality” unlike, for example, psycholinguistics, sociolinguistics, ethnical linguistics, pragmatic linguistics and other areas of scientific knowledge which have already became independent. It is caused by the fact that the object and the subject of anthropocentric linguistics, its methodological, scientific and methodical mechanism of linguistic

study, its relations and ties with related subjects of modern linguistics and with other humanities are still not finally accurately defined. Moreover, throughout the history of linguistics the term “anthropocentric linguistics” had different meanings (i.e. an internal form of the word “anthropocentric”) depending on the object of this scientific discipline. It is known, which meaning this concept and this term traditionally had in American linguistics: “The anthropological linguistics can be characterized briefly as the area of linguistic research devoted to generally synchronous studying of languages spoken by people unfamiliar with writing.” [5: 44]. As we can see, here we have the meaning connected with studying of language of people.

In the Russian scientific literature, the subject and the substantial part of an anthropocentric paradigm is defined usually as studying the language of the person. Therefore most often the aspect of research of a natural language called the human factor in language is understood as anthropocentric linguistics (see work [3] and others of this cycle). However it isn’t simple at all to distinguish the phenomena and processes caused and predetermined in language by the human factor from those not depending on it. It is also obvious that it is incorrect to reduce a perspective of anthropocentric linguistics to metaphysical connection between two artificially divided concepts, namely, concepts of language and the person. Such, “mechanistic”, approach to a perspective of anthropocentric linguistics is reflected, for example, in the following quote: “In the linguistics

having the anthropocentric principle as its methodological basis two circles of problems come under the spotlight: 1) determination of how the person influences the language, and 2) determination of how the language influences the person, human thinking and culture” [4: 9].

Such statement of a question of a subject of anthropocentric linguistics involuntarily, but logically and quite naturally leads to postulation of provision on existence of language and the person as autonomous objects, independent from each other. However, I.A. Baudouin de Courtene, summing up the results of linguistics of the XIX century and considering the concepts of genealogical classification of the world languages (in particular, the well-known theory of a family tree of A. Shleykher and the theory of concentric waves by I. Schmidt) notices: “...neither that, nor other theory doesn’t hold water as, on the one hand, they proceed from the assumption that language exists out of the person, and on another, don’t consider the complexity of the language phenomena” [1: 7]. And then he continues: “...language can’t exist independently from an individual”.

Recognition of this unbiased fact as initial parcel of an anthropocentric paradigm and its consecutive use in theoretical and applied researches puts forward, at the same time, the entire complex of problems caused by interaction of such essences as: 1) language and spiritual activity of the person; 2) language, thinking and consciousness of the person; 3) language and human physiology; 4) language and mentality of the individual; 5) language and culture; 6) language and behavior of the person; 7) language and communication; 8) language and the society; 9) language and personal values; 10) language and knowledge. We will add the following to the listed areas: language and speech activity of the person, language and formation of the person’s knowledge and opinions about the world, language and the person’s cogitative activity, language and information, language and person’s intelligence etc.

The abovementioned shows that the language-related interests of a number of disciplines of modern linguistics clash within the anthropocentric paradigm, and some of them have quite long and rich history (for example, psycholinguistics,

sociolinguistics, language philosophy, ethnic linguistics, pragmatic linguistics, etc.).

The perspective of anthropocentric linguistics, thus, isn’t new; there are no sufficient bases to consider it finally created and conventional direction. There are only obvious trends leading to such a state of affairs. It is therefore much more reasonable to speak about it as the linguistic paradigm having the background in linguistics and closely connected with perspectives of other interdisciplinary sciences. Besides, it must be kept in mind that the principle of anthropocentrism and the anthropocentric perspective are quite ambiguously understood by linguists of different schools. R.M. Frumkina writes the following while analysing Anna Vezhbitskaya’s concept of semantic meta language: “But after all anthropocentric approach can be interpreted in various ways:

(1) as the one allowing to understand correctly how the language “is actually arranged and why it is arranged this way, but not another”. From the point of view of Vezhbitskaya, “actually” the language is arranged on especially functional basis, i.e. it surely reflects things important for the person using it. From this also follows the need to consider “anthropocentricity” not only as the description principle, but as an essential property of the language object;

(2) as the one explaining the specific property of language, especially important for all concepts of Vezhbitskaya – “everywhere is transparency”...

...The idea that in a natural language “transparency is everywhere” assumes that all grammatical and other distinctions observed in the speech have semantic and pragmatic interpretation. For the way we “see things”, according to Vezhbitskaya, it is natural and logical” [4: 75-76].

The anthropocentrism principle, becoming the leading in the modern humanities (linguistics), is interpreted differently, and at times it is proclaimed as purely declarative – not bringing anything essentially new into the traditional perspective. And therefore E.S. Kubryakov is right when writing the following words about the human factor in language as the central question of anthropocentric linguistics: “At first sight, statement of a question of a human factor’s

role in language can seem rather trivial – everything in language is created by the human, and language exists for the person. However, we are dealing with problems of improbable complexity, because everything connected with the person is obviously very complex, and also because it is truly difficult to allocate the circle of problems (being important for all sciences), in which it would be possible to bring something fundamentally new” [6: 15]. Nevertheless, the linguistics will constantly address this eternal issue, but it will not completely reject the need to consider the language “in itself and for itself”.

In general the anthropocentric approach to language focused on the world of semantics and mental activity of the person forces to revise many developed theories. It makes us pay attention to the facts which aren’t noticed, as said by N.D. Arutyunov, with “eyes of former concepts”. It makes us come closer to the essence of language and its human nature. Therefore it is necessary to acknowledge that anthropocentrism, being the leading general scientific principle, opens new horizons for linguistics.

References:

1. Baudouin de Courtene I.A. The chosen works on general linguistics. Vol. I, II. – Moscow., Science, 1968. – 376 p.
2. Ivanov Vyach. Bc. Linguistics of the third millennium: Questions to the future. – Moscow., Languages of Slavic culture, 2004. – 208 p.
3. A role of a human factor in language: Language and thinking. – Moscow., Editorial of URSS, 2010. – 248 p.
4. Frumkina R.M. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. – Moscow., Publishing center "Akademiya", 2008. – 320 p.
5. Hoyer G. Antropologicheskaya linguistics. Foreign linguistics. II. – Moscow., Progress, 1999., pp. 37-69.
6. Kubryakova E.S. Types of language values. Semantics of the derivative word. Monograph. Prod. the 3rd. – Moscow., Publishing house of LIBROKOM, 2009.

Information about author:

1. Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

LANGUAGE RESOURCES AS A
PERSPECTIVE FOR PRESERVING
THE ETHNIC IDENTITY AND
REACHING FULL INTERCULTURAL
COMMUNICATION

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Bulgaria

Language as the microcosm of a human being and his environment is the basic tool for intercultural communication. Its natural resources (anthropological nature, relativism of its cultural tint, cognitive and conceptual structure, "inbuilt" semantic matrix and expressive inclination to strong unification, deictic "magnetism", conversational distribution and discourse-based profile, as well as ubiquitous intertextuality) "guarantee" the undisturbed communication and integration of civilizations, unless there is a "deliberate" misuse of this natural supranational richness.

Keywords: language, speech acts, cultural anthropology, cognitivism, semantic universalia, comparison, emotion, deixis, communication, discourse, intertext.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

РЕСУРСЫ ЯЗЫКА КАК ПЕРСПЕКТИВА
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ
САМОБЫТНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ
ПОЛНОЦЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Хамзе Д.Г., ассистент
Пловдивский университет Паисий Хилендарский,
Болгария

Язык как микрокосмос человека и его окружающей среды, является основным инструментом межкультурной коммуникации. Его естественные ресурсы: антропологическая природа, релятивизм его культурной „окрашенности“, когнитивно-концептуальная структура, его „врожденная“ матрично-семантическая и экспрессивная тенденция к прочному единению, дейктический „магнетизм“, его конверсативная дистрибуция и дискурсивный профиль, а также его вездесущая интертекстуальность – это „гаранты“ безоблачного общения и интегрирования цивилизаций, если не злоупотреблять „предумышленно“ этим природным, наднациональным богатством.

Ключевые слова: язык, речевые акты, культура, антропология, когнитивность, семантические универсалии, сравнение, эмоция, дейксис, коммуникация, дискурс, интертекст.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1486>

Может быть, главный источник надежды и ожиданий относительно этнического взаимопонимания и „согласия“ между языками и культурами содержится в знаменитом ключевом (дихотомическом) понятии Ф. де Соссюра *язык и речь (говорение)*, которым швейцарский лингвист производит революцию в современном языковедении. Во всех культурах мира язык как система норм осуществляет свою «законодательную власть» и обязует своих носителей соблюдать их, а его речевые ипостаси одновременно актуализируют, „преподтверждают“ эту систему и релятивизируют ее. Чувствительный реципиент иной культуры знает эту зависимость и не забывает, что „веерообразный“ спектр речевых событий в дискурсивном пространстве этой культуры не может не „пересечься“ хотя бы с кусочком „веера“ с речевым потенциалом его собственной культуры, причем благодаря, в первую очередь, бесчисленным комбинаторным возможностям языковой материи.

На первый взгляд, как отмечает Ролан Барт [Barthes 2009: 1], из пестрых, разнородных и беспредельных джунглей, на которые похожа природа речи, нельзя извлечь какую-

бы то ни было единицу. Речевая реальность выглядит неклассифицируемой, так как участвует в физическом, физиологическом и психическом, в индивидуальном и общественном пространстве. Эта туманность, однако, начинает рассеиваться, когда из гетерогенной массы мы абстрагируем чистый социальный объект, системный набор конвенций (неизбежных в процессе общения и безразличных к материи составляющих его знаков) в его качестве *языка*, по отношению к которому *говорение* охватывает индивидуальную сферу речи: фонацию, применение правил, случайное комбинирование знаков [по Barthes 2009: 1–2]. Язык является одновременно социальным институтом (т.е. он не одиночным актом), общественной речью, и ценностной системой, с одной стороны, но также и индивидуальным актом выбора и актуализации, с другой. Институциональный и системный аспекты языка, на что французский структуралист обращает специальное внимание, крепко связаны между собой: поэтому язык - система условных ценностей (в какой-то мере произвольных или точнее немотивированных), которая устойчива к преобразованиям со стороны индивидуума,

следовательно представляет общественный институт [Barthes 2009: 2], который реципиент чужой культуры должен читать так, как свой, родной. Используя языковой код, индивидуум располагает неограниченным множеством комбинаций для выражения собственной мысли. Самый важный, конечно, это комбинаторный аспект Говорения, что заключается в повторении идентичных знаков, но в самых разных комбинациях в соответствии с бесконечным разнообразием типов говорения.

Понимание одной культуры, которую язык одновременно формирует и репрезентирует, основывается как на соотношении речевого „космоса“ с институционально-ценностным характером (и статусом) данного языка, так и на возможностях этого „космоса“ интегрироваться и внедриться в „космос“ собственной культуры.

Все языки – как фактор, генератор, производитель, воспроизводитель, инструмент и отражение (зеркало) культур – имеют одни и те же функции, выполняют одинаковую роль в обществе и в индивидуальной сфере и состоят в отношении антропологического „родства“. Общедействующая максима, иллюстрирующая реципрокную связь между языком и речью, – нет языка

без Говорения и Говорения без языка, – конструирует солидную платформу для прогностического взаимопонимания народов. Осознание, что существует норма, которая, несмотря на то, что является „чужой”, т.е. различной от „своей”, в какой-то мере и своя (как разновидность нормативности вообще), т.е. „та же самая” исконная институциональность языка автоматически „апеллирует” к толерантности и пониманию („сопричастности”) по отношению к чужому языку, а гибкие, индивидуально-творческие речевые „интерпретации” нередко даже до степени артистических трансгрессий, на собственной территории, „предвкусывают” креативные инновации в любом другом языке, подобно собственному. Этой структуральной общности (даже тождественности) на базе идентичных реляций в интралингвистическом пространстве следовало бы превратиться в один из главных рычагов для межкультурной коммуникации и плодотворной интеграции между этносами, а индивидуальным, „самобытным” перевоплощениям данной нормативности, тоже маркированной и этнически самобытной – в мост для открытых, честных, безыскусных, компетентных, толерантных, лояльных и беспристрастных отношений между народами.

1.0. Антропологическая платформа для этнической консолидации и языкового „консенсуса”

Сама общая принадлежность индивидуумов в их качестве языковых субъектов к миру, в котором им суждено существовать, который им отведено усваивать, концептуализировать, категоризировать и трансформировать (развивая сложные системы идей, чувств и стратегий для выживания) – независимо от закономерных специфик каждого отдельного этноса, – уже серьезная предпосылка для антропологической, а следовательно и культурной общности. Наличие общих и/или схожих мифов, символов, топов, мотивов, духовно-религиозных семантик, структур и практик, традиций, общественно-исторических, артистических и литературных явлений и тенденций в культурах, „закладывает фундамент” мультикультурного сцепления как пестрого калейдоскопа

самобытностей, выделяя основания для него. Если оно не превратится в основную цель этносов, а вместо него обострится напряжение и конфронтация между ними, последствия будут фатальными и необратимыми. В схожем духе американский антрополог Р. Х. Крейпо констатирует следующее: „Культурная субординация одного образа жизни со стороны другого, даже когда это происходит мирным путем, может быть потрясающим переживанием, и с психологической, и с культурной точки зрения [...] Сознание, что другие народы сильнее и что они одарены более зажиточной жизнью, – это удар по культурному достоинству, объединяющему общество” [Крейпо 2000: 32]. Другое дело вопрос, что именно следует понимать под понятием „сильный народ”, и не является ли эта квалификация достаточно дискриминативной.

1.1. *Культурный релятивизм* как контрапункт этноцентризма – один из ключей для достижения адекватного понимания, бесконфликтной интерференции и плодотворного взаимопроникновения культур. Он воплощает (и отражает) идею, что определенное действие можно прозреть лучше всего посредством стандартов собственной культурной среды того, кто его производит. Язык как лакмус культуры есть ее „текстуально”-дискурсивный эквивалент в его качестве ансамбля дискурсов, который хотя бы частью их становится совместимым с частью дискурсов чужого языка как культуры. В поле культурного человека, который не пренебрегает контекстами данной языковой действительности и учитывает неизбежные смысловые изменения при смене ситуаций, собственный язык превращается в „ценителя” („мцената”) и „со-автора” чужого.

1.2. *Когнитивно-концептуальные предпосылки* для межязыкового и межкультурного объединения

1.2.1. *Формирование понятий и концептуализирование* – общие психические деятельности человечества и несмотря на неохватимый взором, гибкий, переменный и вечно подвижный диапазон специфических концептуализаций – как в этническом, так и в индивидуальном аспекте, – универсальные осевые центры не только

обеспечивают ко-гравитацию между культурами, но предопределяют и обуславливают ожидание (антиципацию) различий и их восприятие как созидательное дополнение глобальной, многоликой и полифонической картины мира, чью оркестровку подпитывает на реципрокном принципе, стимулирует и обогащает каждый язык, каждую культуру и каждого ее представителя в отдельности, который в свою очередь дает свой концептуальный вклад в общую (мировую) лингвокультурную панораму. Эта созидательная интерференция должна была бы исключать злоупотребление чьим-то достоинством, искусственное навязывание и разжигание коллизий и гарантировать взаимопонимание между народами не путем их унифицирования, т.е. „за счет” их самобытностей, а именно „через” них – путем их сохранения и поощрения их развития.

Каждое понятие похоже на „вибрирующий” кристалл, сквозь который переломляется снап лучей, „освещающих” множество информационных молекул как объектов (но наряду с этим инструментов и продуктов) восприятия. Внешняя модель: воспринимающий субъект (концептуализатор) – чужая культура в структурно-эссенциальном отношении повторяет внутреннюю модель: воспринимающий субъект – внешнее пространство (в рамках собственной культуры). Оказывается, что „свое” вместе с тем и „чужое”, а „чужое” не столь уж чужое, а в немалой степени и „свое”. Р. Крейпо с основанием уверяет, что „чем больше вариантов восприятия предмета или события (напр. с разных углов, в разные моменты времени или разными органами чувств), тем более законченным и пригодным становится понятие” [Крейпо 2000: 182]. Поскольку понятийные модели никогда не могут быть совершенными или же представлять полное отражение мира [по Крейпо 2000: 182] – как из-за неограниченного числа перспектив, с которых можно увидеть и воспринять данный предмет, так и ввиду ограниченных когнитивных способностей человека – при проверке понятия он руководствуется не его (понятия) „истинностью”, а его функциональностью, применимостью

и „полезностью”, и в этом нет ничего плохого, если только не забывать, что понятие в чужой культуре основывается на том же принципе, и не повредить „чужую” полезность.

Вдохновляющий пример из творчества В. Гомбровича актуализации и осцилляции бинама свое/чужое – это болезненное соприкосновение девушки по имени Ада со „знакомым”/чужим. Знакомое понятие „лошадь” (даже при идентификации соответствующим объектом), несмотря на то, зарегистрировано ли оно собственным или чужим языком, оказывается бессильным вознаградить когнитивные усилия концептуализатора (девушки), если место незнакомое, т.е. среда „чужая”. Когда приезжает в Тандил, Ада смотрит на мир так: „*Co to za koń?*”; „*Koń jak koń, zupełnie zwykły, przecież widzisz?*”; „*Ten koń nie jest zwykły, bo ja tu jeszcze nie zamieszkałam!*” („Что это за лошадь?”; „Лошадь как лошадь, самая обычная, не видишь?”; „Нет. Эта лошадь не обычная, потому что я еще не стала жить здесь!”) [Dz '57', 83]. Для Ады за понятием-ярлыком „лошадь” открывается целая семантическая пропасть, неохваченная Формой. К сожалению, сущность этой лошади, еще не почувствованную, „не пережитую”, можно выразить только тавтологично – она не выходит за рамки понятия, представляемого языковым знаком. Здесь ощущаются одновременно сила и бессилие языка. Форма, в которой организуется содержание сознательного микрокосмоса, – это языковая Форма. Но язык есть и семиотический стимул, „инкантация” для проникновения в глубину, в „интимный мир” понятия. Здесь выделяется и двойственная природа языка: языка как Формы, которая ограничивает, т.е. рестрикции, и языка как когнитивной Вселенной, уместившей в себе как все многоязычие одной определенной культуры, так и многоязычие всех культур под солнцем (многоязычие во многоязычии). Первое является микромоделью второго.

Каждое понятие – множественное, полиракурсовое, т.е. оно является мега- или гипер-понятием с непрерывной тенденцией к потенциальному возрастанию и трансформациям. Множественность понятия как

сетевая конфигурация подавляет и в какой-то мере компенсирует комплекс перцептивной недостаточности индивидуума, „толкая” его третировать понятие как систему, в которой межкомпонентная интерференция „искушает” фрагментарный характер понятия – следствие когнитивного дефицита производителя речи. Мы – представители различных этносов – близки в своей когнитивной недостаточности, и глобальный языково-культурный союз мог бы помочь преодолевать ее. Сожительство различных аспектов данного понятия и различных неполных понятий позволяет обнаружить и показать себя *сочленяющей* способности индивидуума, которая создает иллюзию целостности и законченности определенного понятия. Так рождается неизбежная *идеализация* понятий. Этот психологический механизм особенно эффективен при соприкосновении с другими языками и культурами (в данном случае знакомство с чужим языком не имеет значения, важен настрой как желание овладения им), так как сочетание множества идеализаций расширяет и обогащает представление о понятии (а и само его), делает его более функциональным и применимым. Таким образом снимается „антагонизирующая” оппозиция *свое – чужое*, потому что профиль самого понятия многоизмерен и поливалентен. Чужое становится своим, множество „чуждостей” „о-сваиваются”, чтобы достичь одного универсального, трансцендентного „свое”, которое является общим владением и достижением человечества и каждого из нас в отдельности как его имманентной части.

Убедительно наблюдение Р. Крейпо: „Основные понятийные процессы – универсалии для человеческого вида, а специфические продукты этих процессов, различные для отдельных групп, могут символически быть выражены на любом ином языке” [Крейпо 2000: 200].

2.0. Семантическая „характерология” языка – мост между культурами

2.0.1. *Семантические универсалии* (матричные экспликации) как катализатор межэтнической и межъязыковой конвергенции

Сложные понятия в значительной

степени зависимы от данной культуры, но простые – содействующие этническому сплочению (прим. мое – Д. Х.), такие как: *говорить, хотеть, думать, хороший, плохой* и др., независимы, надкультурны (конечно, не в смысле, что означают одну и ту же вещь в различных культурах, а что во всех культурах имеются понятия *хороший, плохой*), т.е. возникают автономно, как напр. долговечность физических предметов [по Wierzbicka 1999: 140; 2010: 33].

Приближение к чужой культуре, на наш взгляд, сильно напоминает первые шаги ребенка в ознакомлении мира – врожденные и универсальные элементарные семантические единицы, комментированные наиболее удачно Ж. Врунер (по мнению А. Вежбицкой), обнаруживаем еще на пороге встречи с языком (в конкретном случае с иностранным), в *избирательной* нашей, *предъязыковой готовности* к его принятию. Речь идет о существовании определенных классов значений, к восприятию которых люди имеют врожденную способность „настраиваться” и которые активно ищут. Полная их реализация уже зависит от культурного инструмента, каким является язык [Wierzbicka 2010: 35]. Поэтому неслучайно непринужденное и плодотворное общение между детьми, использующими подобные выражения в различных языках и культурах. По утверждению А. Вежбицкой, выяснению этого явления сильно может способствовать гипотеза о врожденном и универсальном *lingua mentalis*, как основы для всего дальнейшего развития языка. Семантические исследования различных языков могли бы дать мощный толчок зондированию „универсального семантического синтаксиса”. Солидным аргументом в поддержку гипотезы о существовании врожденной понятийной системы, обладающей языковым обликом, являются уже документированные результаты исследования такой системы как средство исследования различных языков и культур. Если нам удастся идентифицировать общее для всех естественных языков ядро, и на этой базе выстроить „естественный семантический *мета-*

язык”, мы будем в состоянии описать значения в каждом языке „изнутри”, с помощью предложений, сформулированных на родном языке, которые мы без затруднения понимаем, вопреки тому, что порой они неидиоматичны [по Wierzbicka 2010: 39, 40]: „Innymi słowy, owo wspólne jądro wszystkich języków można traktować jako zbiór izomorficznych minijęzyków, mogących funkcjonować jako konkretne wersje tego samego uniwersalnego Naturalnego Metajęzyka Semantycznego (NMS)” („Иными словами, общее ядро всех языков можно понимать как сумму изоморфных миниязыков, которые могут функционировать как конкретные версии того же самого универсального Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ)”) [Wierzbicka 2010: 40]. Применение этого языка позволяет преодолеть усложнения, связанные с языковым употреблением, идентифицировать и извлечь семантический инвариант данного слова. Инварианты и прототипы тоже являются связующим звеном в межкультурной интерференции, а человеческая потребность (и способность) иерархизировать и таксономизировать – это надежная предпосылка для сближения языков и народов.

Значения слов во всех языках подвижны и изменчивы, а „подготовка” сознания к новому (чужому) в другой культуре проходит еще на собственной территории в рамках стратификации родного языка – отличия в зависимости от диалекта, социолекта или „поколениелекта” (термин А. Вежбицкой) очевидны. Но более существенный повод для межкультурного сплочения – это *распространение* (на него обращает специальное внимание А. Вежбицкая 2010: 42) семантических мутаций – одно значение может постепенно отмирать, а другое – расширяться).

Психолингвистическая теория замечательного русского исследователя Александры А. Залевской дает оптимистическую перспективу для поиска межкультурных когезивных маркеров во внутреннем поликодовом гипертексте производителя речи, представляющем мультимодальное „произведение” из переработки разнородного познавательного и коммуникативного

опыта [Залевская 2012: <http://gisap.eu/ru/node/12631>]. Живой поликодовый гипертекст, представляющий картину мира, переломленную сквозь взгляд концептуализатора, генерирующий значение определенного слова, можно воспринимать и как *tertium comparationis* взаимопонимания и согласия между культурами. Различия, наблюдаемые в когнитивном опыте и концептуализациях представителей одного языка и одной культуры, не игнорируя обстоятельство, что они могут принадлежать и одному и тому же социуму, словно не только „предсказывают” ожидаемые концептуальные различия в чужой культуре (от чего она становится менее чужой, потому что мы уже привыкли к „чуждости” на своей территории), но как бы парадоксально „иллюстрируют” порой большее индивидуальное родство с чужой культурой, чем со своей, на базе близкого (по отношению к другой культуре) эмоционально-когнитивного опыта отдельного субъекта. Всегда большая или меньшая часть того, что кроется „за нашим словом”, объединяется с тем, что скрывается „за чужим словом” во имя гармоничного, жизнеутверждающего диалога между культурами.

Физиологическая способность человека различать цвета и приписывать им определенный смысл с помощью разнообразных ассоциаций, сближает людей в мире, а то, что разные культуры вкладывают в них различное содержание, отнюдь не повод для их удаления друг от друга („охладевания”). Снова берет верх желание посредством общих узловых пунктов проникнуть в тайны другой культуры, чтобы ознакомиться с ней и полюбить ее. Как отмечает выдающаяся польская лингвистка, сами цвета не функционируют как „когнитивные якоря”, зато существуют такие общие понятия, как *огонь, солнце, небо, растительность* и др., выполняющие эту роль [Wierzbicka 1999: 447]. „Ale ogniskowe tych różnych kategorii semantycznych mogą być względnie stabilne, ponad językami i kulturami, nie tylko dlatego, że nasze reakcje nerwowe są takie same, lecz przede wszystkim dlatego, że łączą nas podstawowe modele konceptualne, które są oparte na naszym wspólnym

ludzkim doświadczeniu” („Но ядра этих различных семантических категорий могут быть относительно стабильны, выше языков и культур, не только потому, что наши нервные реакции одни и те же, но прежде всего потому, что нас связывают основные концептуальные модели, которые опираются на наш общечеловеческий опыт”) [Wierzbicka 1999: 447–448]. Это огромное преимущество, конечно, нельзя абсолютизировать, потому что можно вызвать обратный эффект – преуменьшить и принизить чужую культуру, сведя ее к элементарным рефлексам или же „присвоить” и отождествить ее со своей. Чтобы описать человеческую концептуализацию цветов, советует А. Вежбицкая, нужно прибегнуть к человеческим понятийным универсалиям (таким, как *видеть, время, место и такой, как*). Чтобы ее выяснить – как в изменчивой ее, так и в универсальной ее форме, следует проследить, каким образом люди говорят о том, что видят, без искусственной редукции данных [Wierzbicka 1999: 449]. Выясняется, что и *сравнение* тоже является универсалией, причем жизненно важного значения. Вещи сравнимы. Даже „самое несравнимое” есть плод сравнения, чтобы заключить, что оно несравнимо. Это означает, что дистанция, „поставленная” несравнимым, преодолима – путем понимания. Сравнение делает возможным общение между людьми и интеграцию культур. Даже результат негативного сравнения не является причиной для конфликта и ненависти, а напротив – для стремления к узнаванию и уважению: *X такой, как я*, значит он мне нравится, и я его принимаю; *X не такой, как я*, значит я должен его понять, приобрести и полюбить (а не игнорировать или отвергать).

2.0.2. Эмоциональная совместимость языков и культур

Человеческие эмоции – яркие универсалии; они являются остовом и „изюминкой” общения, координатной системой, которая успешно может порождать (и направлять) межкультурное взаимопонимание. Несмотря на то, что понятия, „укоренившиеся” в терминах, в различных культурах разные, генеративная матрица эмоций одна и та же. А. Вежбицкая возражает

против попыток английских ученых навязать этно- и англоцентристскую позицию в изучении проблематики, используя английские слова для обозначения эмоций (*anger* (гнев), *happiness* (счастье), *fear* (страх), *disgust* (отвращение), *surprise* (неожиданность) как основные средства для анализа [Wierzbicka 1999: 139]. Отсутствие универсальных названий эмоций, по словам польского исследователя, ничуть не означает, что нет никаких универсальных эмоций, ни то, что данные эмоции не связаны во всем мире с определенными выражениями лица [Wierzbicka 1999: 139]. Именно эта совместная психическая платформа является надежной почвой под ногами носителей различных языков и культур в их стремлении к взаимопониманию и всеобщему благоденствию. В этом эмоциональном контексте естественные различия между этносами не только не рушат их солидарность, а укрепляют и динамизируют ее.

А. Вежбицкая подчеркивает, что несмотря на специфику представления эмоций в каждой отдельной культуре, их объективное восприятие не невозможно, поскольку их можно описывать, обсуждать и сравнивать с помощью универсальных понятий типа: *чувствовать, хотеть, думать, знать, делать, случаться, хороший* или *плохой*. [Wierzbicka 1999: 164]. Возможность комментировать сложную палитру культурно диверсифицированных чувств посредством их семантических матриц не только оптимизирует взаимопонимание между этносами, но укрепляет его и в перспективе, именно посредством многоцветного эмоционального богатства, „буйно разросшегося” от элементарных (первичных) экспликаций. А. Вежбицкая обобщает: „*Co więcej, kulturowo różnicowany stosunek wobec emocji wywiera głęboki wpływ na kształt i dynamikę codziennego dyskursu – kształtuje on i zabarwia niezliczone aspekty tego, co Hymes (1962) nazywa „etnografią mowy”*” („Более того, культурно дифференцированное отношение к эмоциям оказывает глубокое влияние на форму и динамику повседневного дискурса – он моделирует и раскрашивает многочисленные аспекты того, что Hymes (1962) называ-

ет „этнографией речи””) [Wierzbicka 1999: 164]. И дальше дополняет, что адекватная характеристика культурных позиций относительно эмоций требует не общих определений или схематических разделений, а индивидуализированных „культурных скриптов”, составленных на базе универсальных понятий [Wierzbicka 1999: 165].

2.0.3. Тематико-лексическая когравитация между культурами

Тематические словари языков – яркое свидетельство универсально-конъюнктивной (условно говоря) „этнографии” существования, т.е. они раскрывают одинаковые сферы экзистенции, интересы, телеологичные стремления, а также те же самые концептуальные зоны: медицину и здоровье, эмоции и чувства, дом и семью, пищу и напитки, социальную жизнь, образование и науку, литературу и искусство, спорт, свободное время, отдых и развлечения, транспорт и поездки, хозяйственную сферу и торговлю, политику, страховки, полицию и правосудие, другие страны и народы, международные отношения, медиа, войну и мир, земной шар, мир животных и растений...

Похожесть паремиологических выражений и апофтегм в различных культурах, как и значительные сходства во фразеологии, в первую очередь из-за общего ее происхождения, тоже указывает на солидную почву взаимопонимания культур. Об общем когнитивно-утилитарном опыте, общих экзистенциальных потребностях и духовных поисках, как и в большой степени об общих традициях говорят такие источники, как мифология, Библия, античная и мировая литература и культура, история, военное дело, наблюдения за растительным и животным миром, сельское хозяйство и ремесла, правосудие, кулинария, а также непосредственный человеческий опыт от соприкосновения с окружающей действительностью – все эти сферы „обслуживают” весь мир. В языках повсеместно утвердились фразеологизмы, как например *papierowy tygrys* (*тигр из бумаги* = иллюзорная сила) – из азиатских традиций; *wykopać topór wojenny* (*достать боевой топор* = выбрать путь войны), *wypalić fajkę pokoju* (*зажечь трубку*

мира = прекратить споры и конфликты, заключить перемирие) – какая подходящая для эпитафии фраза не только на актуальную тематику филологических (и гуманитарных вообще) дисциплин, но и под стать социально-политической обстановке в мире – из индианских традиций; *wypuścić dżina z butelki* (*выпускать джинна из бутылки* = вызывать угрозу, поставить под угрозу) – из арабской сказки.

Даже так называемые ошибки в употреблении фразеологизмов (сокращение выражений, расширение сочетания, замена одного из элементов, контаминация различных фразеологизмов, изменение формы одного из компонентов, размещение правильного сочетания в неподходящем стилистическом контексте) могут превратиться в коммуникативных „медиумов” как для лучшего взаимопонимания в собственной культуре, так и на межкультурной арене. Фразеологическое богатство отражает антропоцентрический взгляд на действительность, а тематические фокусы как: части человеческого тела, пространственные, параметрические и темпоральные показатели, негация, Бог и религия, судьба, дьявол и зло, оценочные категории, – это универсальные межкультурные „магнитные поля”.

Создание новых слов (с помощью которых мы становимся и „более совместимыми” с остальным миром) – универсальный ментально-культурный рефлекс, который играет роль фундамента для межкультурного взаимодействия. Р. Крейпо замечает, что „словари различных языков тоже отличаются друг от друга, но это не означает разницу в способности говорящих на данном языке, когда возникнет необходимость, создать новое слово для понятия, уже символизированного в словаре другого языка” [Крейпо 2000: 200]. Следовательно, новое слово – хотя бы в начале – в той же степени чужое в собственном языке, в какой и чужое в чужом языке, или же даже более чужое, чем знакомое в чужом языке.

3.0. Дейксис как культурная универсалия

Дейктические слова как вербальные символы показательного жеста и „наследники” его звуковых метафор – яркие сигналы семанти-

ческого родства культур. Человеческий показательный рефлекс, зародившийся в наивной физике (термин Ю. Апресяна), которая, по мнению русского лингвиста, должна носить название „лингвистическая относительность” и должна быть признана одной из наиболее глубоких лингвистических универсалий [Апресян 1986: 92], релятивизирует время и пространство, чей единственный ориентир – говорящий. Несмотря на то, что релятивизация всегда индивидуально окрашена, как специфическая ментальная деятельность она является и когнитивной универсалией. Следовательно, субъективные ее применения в данной культуре „предсказуемы” и в чужой¹. Общность „невозможности” ответить на универсально-экзистенциальные вопросы типа: Где этот мир? Каковы его свойства? Существует ли он сам?, заставляет нас сделать указательный жест и ничего больше, потому что когда мы *не в состоянии* ответить на что-либо, мы просто на него *указываем*. Дейктическая функция как одна из функций негации тоже является универсалией. Лабильная связь дейкторов с контекстом, с одной стороны, но и семантическая их полноценность, как и значимая их роль в смысловой организации высказывания, с другой, бесспорно выделяют языково-культурные параллели.

Ролан Барт обращает внимание на один прекрасный образ – на жезл гадалки, красноречивый надкультурный дейктический маркер, направленный к небу, т.е. к отсутствию направления. Это эмблематическое указывание, торжественно-жестикационное очертание границы в безграничном – знак осознания аза как части безусловной бесконечности. Через мгновение после символически очерченной границы не остается ничего, кроме интеллектуальной устойчивости одного оттенения, чисто ритуального и произвольного занятия подготовкой смысла в одной расстелившейся у нас перед глазами безусловности [по Барту 2005], которая роднит людей всех культур как языковых субъектов.

4.0. Коммуникация как универсальная антропологическая модель межэтнического со-существования

Р. Крейпо подтверждает, что „коммуникация – самое отличительное из всех свойств человеческого поведения и служит фундаментом крайне сложных образов жизни, существующих во всех человеческих группах” [Крейпо 2000: 186].

4.1. Коммуникация (в канонической ее форме) генерирует и поддерживает нашу экзистенцию, но и ограбляет нашу индивидуальность. Как на территории чужого, так и на территории своего языка, коммуникация никогда не может быть полностью полноценной: во-первых, потому что мы реализуем только часть всеохватного смысла посредством значения [Хусерл], и во-вторых, потому что в коммуникативном акте мы исходим прежде всего из себя – выдвигаем свои собственные ожидания и интенции, вслушиваемся прежде всего в свои собственные высказывания, разговариваем, как отмечает Св. Августин, с самим собой – даже когда разговариваем с кем-то другим, мы не заканчиваем разговор с самим собой. Выход заключается во взаимопроникновении и ассимиляции индивидуальных взглядов, даже под формой игры, для целей успешной коммуникации. Карл Ясперс говорит: „Воля к коммуникации блуждает в противоречивых заблуждениях: мы хотим, чтобы нас щадили, а сохраняем свою претензию на абсолютную самодостовренность и самоопределение. Стремимся получить извинение за свою нервность, а претендуем на признание нашей свободы. Проявляем предусмотрительность, молчим и сопротивляемся скрыто, пока заявляем условно готовность к коммуникации. Думаем о себе, пока воображаем, что говорим о предмете.” [Ясперс 1994: 109]. А чтобы избежать „проституирования диалогами девственного одиночества души” [Чоран 2006: 23], мы должны прилагать усилия бороться со своими эгоцентризмом и самолюбием. Более того, мы не должны вво-

дить себя в заблуждение, что коммуникативный акт есть нечто целостное и законченное – каждый речевой акт есть „бусинка” в бесконечных четках речевых актов (прошедших и предстоящих), с которыми связано наше существование. В связи с этим можно вспомнить рассуждения К. Ясперса: „Философствование должно оставить негарантированной даже возможность для полной коммуникации, если оно живет благодаря коммуникации и берет на себя ее риск. Можно верить в нее, и при этом ей можно оставаться в неизвестности. С ней покончено, когда мы вообразим себе, что она уже является нашей собственностью.” [Ясперс 1994:110]. Следовательно, мы должны отречь ее как свою собственность, чтобы сохранить как всеобщее достояние (добро), должны ее поддерживать и развивать. И в этом секрет взаимопонимания культур.

В целях достижения межъязыковой и межкультурной „привязанности” нам следовало бы использовать наиболее разумным, благородным и рациональным способом коммуникативные функции языка: репрезентативную (означающую), экспрессивную (эмотивную), импрессионную, фатическую, поэтическую (эстетическую), метаязыковую, а также функции высказывания: коммуникативную (информативную), креативную, экспрессивную, персуазивную (апеллятивную), испытательную, характеризационную, социализирующую, культуротворческую (кумулятивную).

4.2. Проблематика, связанная с *конверсационными стилями*, учитывая характер современного мира, по мнению Евы Славковой, приобретает межкультурное измерение. В фокусе современного интереса находится не столь коммуникация между представителями одного *etnikum*, сколь коммуникация между носителями различных языков и культур [Sławkowa 2005: 46–47]. Польская лингвистка выделяет *интерактивный стиль* как более широкое понятие, охватывающее конверсационный этнолект – цель исследования со стороны различных

¹ Больше о дейксисе в исследованиях: Роль дейксиса в гротескогенезе (на материале творчества В. Гомбровича [Хамзе 2015a]; Коммуникативно-разговорный „арсенал” художественного языка в гротескно доминированном творчестве Витольда Гомбровича [Хамзе 2015b])

направлений прагматики: этнопрагматики, контрастивной прагматики, вербальной этнографии (этнографии говорения). Стили, предлагаемые Е. Славковой, выстраиваются в оппозитивные пары: ассертивный (наступательный) – оборонительный стиль, гонорификативный (иерархический, почетный) – эгалитарный стиль, аппроксимативный – дистантный стиль, конфронтативный – консенсусный стиль, отличающие представителей определенных этносов (в самом общем смысле: Запада и Востока) [по Sławkowa 2005: 46–47]. Знание этих интерактивных стилей имеет *этическое измерение* и созидает межкультурное понимание. Перифразируя А. Вежбицкую, Е. Славкова устанавливает, что „пока мы будем продолжать принимать собственное коммуникативное поведение (европейское: англосаксонское, славянское, романское) как единственное „нормальное“, „естественное“, „логичное“, – понимание не будет возможным. До тех пор будет трудно говорить о реальном диалоге культур” [Sławkowa 2005: 50]. Исследователь дает очень показательный пример коммуникативного поведения (вербального и невербального) в обществах мусульманской культуры. Характерный для них *дистантный стиль* в интеракции с нежным полом (вне семейных отношений) ничуть не является проявлением игнорирования и дискриминации женщины, а как раз наоборот – чуткого и щадящего отношения, свидетельствующего об уважении, внимании, предусмотрительности и заботливости к ней. Вывод Е. Славковой имеет кардинальное значение и для нашего исследования: „We wzajemnych kontaktach multietnicznych nie powinno się widzieć tylko źródło potencjalnego konfliktu, któremu trzeba umieć zaradzić, lecz przeciwnie – tego rodzaju interakcji należy traktować jako drogę do wzajemnego porozumiewania się, oswajania tego, co inne, obce, co nie nasze. Etniczna tożsamość, co między innymi „objawia się” w stylach interakcji [...], należy traktować jako wartość wielokulturowego społeczeństwa globalnego” („Во взаимных мультиэтнических контактах нельзя искать только источник потенциального конфликта, которого мы должны уметь избегать, а

наоборот – этот вид интеракции нужно рассматривать как дорогу к взаимному пониманию, к усвоению того, что различно, чуждо, не наше. Этническую самобытность, которая „проявляется” и в интерактивных стилях [...], следует принимать как ценность поликультурного глобального общества” [Sławkowa 2005: 57].

4.3. *Речевые акты* и/или жанры речи как типология – одни и те же в различных культурах, но они различаются по семантике и ситуативности. Как замечает А. Вежбицкая, межкультурные исследования, связанные с ними, долгое время не могли развиваться из-за отсутствия семантического метаязыка, который был бы освобожден от влияний одной культуры и одного языка [Wierzbicka 1999: 228]. Общая территория для понимания и сотрудничества между культурами – это как раз то обстоятельство, что члены всех обществ обладают утвержденными способами коммуникации, которые они воспринимают как обособленные целостности, характеризующиеся специальными речевыми правилами и невербальными практиками, и отличающиеся от других видов дискурса. Пренебрежение этим фактом может привести к неприемлемой гегемонии одной речевой культуры над другой: „Spojrzenie na repertuar nieangielskich gatunków mowy poprzez pryzmat angielskich pojęć potocznych, niesie ryzyko opisu wykrzywionego, etnocentrycznego” („Если посмотреть на репертуар неанглийских жанров речи сквозь призму английских общепринятых понятий, то мы рискуем сделать искривленное, этноцентрическое описание”) [Wierzbicka 1999: 229]. Важно помнить две вещи, на которых акцентирует внимание А. Вежбицкая: 1. что общеизвестные названия актов и жанров речи зависят от соответствующей культуры и являются важной предпосылкой понимания коммуникативных конвенций, характерных для данного общества, и 2. чтобы добраться до их источника и использовать его наиболее рационально, нужно провести тщательный семантический анализ названий и представить его результаты на независимом от данной культуры *метаязыке*. Подпитываемый универсальными

простыми понятиями, он позволяет уловить и показать сходства и различия между разными речевыми актами.

4.3.1. *Повторение* как антропологическая и когнитивная универсалия имеет первостепенное значение для конвергентных импульсов между культурами. Оно может означать протяженность, преемственность и развитие, но также и сегментируемость, дискретность, строго лимитированную обособленность и непроницаемость или загадку; может быть кажущейся (иллюзорной) монотонностью и скукой, но и борьбой со скукой и старением; может являться симптомом заката, инволюции, но также и омолаживания, регенерации. Повторение может быть как смыслопорождающим, скалярным, императивным, идентифицирующим, профетическим, антидеструктивным, игровым началом, так и синонимом диалектики, инициации и естественной (чистой) бытийности. Оно словно разбирает мир, чтобы выделить и испытать космические и экзистенциальные возможности, возвращает к архетипу как одному из исконных символов бессмертия. Повторение, являясь символом вечности, функционирует как лакмус и барометр человеческого существования. Миф оживает и поддерживается повторением. Как замечает Мирча Элиаде, периодическое повторение того, что сделано *in illo tempore*, в полной мере гарантирует, что нечто существует *вовсю*. Циклический характер космического времени также означает повторяемость.

Повторение культурных ценностей создает традицию, а она по сути представляет собой трансляцию, так как содержит в себе те элементы прошлого, которые живы в настоящем. Это повторное функционирование в новых условиях достижений, воскрешенных и изображенных вновь. Недаром плодотворность традиции измеряется объемом этих повторных изображений.

Культурный антрополог охарактеризовал бы повторение слов как магическую практику, а само слово – как проявление заклинательной мощи языка. Повторение этой функции – тип литании. Оно является *вездесущей философской, онтологической и*

эпистемической категорией. Как залог наступления Нового, оно реализуется в форме различных языковых перевоплощений: деривации, отглагольных существительных, многочисленных симметрий, тавтологий, параллелизмов, аналогий и хиазмов. Солецизмы и неологистическая стихия тоже являются функциями повторительности. Они создают автономный мир, освобожденный, по крайней мере в форме игры, от диктатуры Формы и ревитализирующий энергию архетипа. Таким образом, повторение превращается в демистификатора и реконструктора языка, и кроме этого выполняет важную импрессионную и экспрессионную функции.

Повторяемость в универсальных семантических матрицах (экспликациях): *думать, чувствовать, любить, ненавидеть, ощущать* и т. д., как общая семантико-культурная платформа, возвращает нас (снова повторение) к архетипу и консолидирует нас вокруг него, делая возможными многонациональную культурную интерференцию и полноценное межэтническое общение.

Перевод – это оригинальное „повторение”, которое должно обеспечить автономную экзистенцию нового (переведенного) текста.

4.3.2. *Эллипсис* – одна из ипостасей повторения – его имплицитное бытие, один из стимулов как в моно-, так и в мультиэтническом коммуникативном со-обществе, и один из ключей к естественному взаимопониманию культур. Эллипсис не является результатом поспешной и небрежной речи, а представляет собой конденсацию самого существенного содержания высказывания. Дейксис тоже может быть неполным эллипсисом.

„Elipsy i powtórzenia są dominantą mowy żywej. Obie tendencje – skracanie wypowiedzi ustnej przez stosowanie elipsy oraz jej wydłużanie przez stosowanie powtórzeń – są tylko pozornie sprzeczne. W gruncie rzeczy służą one tej samej sprawie – zwiększeniu komunikatywności poprzez ułatwieniu percepcji” („Эллипсис и повторения являются доминантой живой речи. Эти две тенденции – сокращение устного высказывания посредством эллипсиса и его удлинение посредством исполь-

зования повторений – лишь на первый взгляд противоречат друг другу. На самом деле они служат одной и той же цели – повысить коммуникативность путем облегчения перцепции” [Ampel 1978: 177].

4.3.3. Притягивающая сила *молчания* для консолидации культур рельефна даже в „акоммуникативном” аспекте. Молчание является единственным средством – надязыковым и панэтническим – для познания и понимания как самого себя, так и других людей в рамках катастрофических концепций выдающегося румынского философа Эмила Чорана – пылкого противника коммуникации в ее чело-веческом виде. Его слова звучат как предупреждение о пагубном влиянии „невменяемой” коммуникации и об ее необратимых последствиях. Для Э. Чорана коммуникация – это наша бесперспективная Голгофа, которая не принесет нам спасения, а забросит в Никуда. „Человеку следовало бы слушать лишь себя в бесконечном экстазе непредаваемого Слова, создавать слова о собственном своем молчании и созвучия, уловимые единственно его томлениями. Но он является болтуном Вселенной; он говорит от имени других; я любит множественное число [...]. Единственно ложь художника не тотальна, так как он сочиняет лишь самого себя” [Чоран 2006: 23].

Однако есть культуры, которые „молчат” больше, чем другие, поэтому хорошо было бы научиться „смысло-порождающему” и „этнолюбивому” молчанию. В подобном духе рассуждает и Е. Славкова: „Zauważmy, że społeczeństwa zachodnioeuropejskie to kultura przede wszystkim werbalna. Gdy przestajemy mówić, ogarnia nas zdenerwowanie. W kulturach orientalnych cisza nie jest traktowana jako zagrożenie, lecz szacunek wyrażający się w namyśle nad słowami **Drugiego**” („Давайте обратим внимание на факт, что западноевропейские общества представляют прежде всего вербальную культуру. Когда перестаем говорить, мы начинаем нервничать. В восточных культурах тишина не воспринимается как угроза, а как уважение, проявляющееся в размышлении над словами **Другого**”) [Sławkowa 2006: 56–57].

Молчание на самом деле может быть универсальным средством коммуникации – оно есть ингерентный, имплицитный Речевой акт. Молчаливое взаимопонимание („договаривание”) представляет собой языковое явление, так как иллюстрирует нашу совместную ориентацию в мире, которая непрерывно создает и поддерживает язык. Молчание – это что-то вроде „чужого” (благословенного, великого, незнакомого, неконвенционально „чужого”) в собственном коммуникативном ареале и вместе с тем – „своего” в чужом. Оно гостеприимно, толерантно и великодушно.

4.4. *Дискурсивность* как универсалия

В своем исследовании французской теории дискурса польский исследователь Халина Гжмил-Тилутки делает важное наблюдение, что дискурс не лишает высказывание языковой структуры, но погружает его в конкретный творческий контекст и конкретные субъективные отношения, подбирая для своих единиц конкретные денотации. Слово перестает быть элементом лексикографической номенклатуры, а генерирует свой смысл в социально-языковом контексте. Так одно и то же слово может принадлежать различным дискурсам, с *различными денотациями* [Grzmił-Tylutki 2010: 11]. Трамплином к межкультурному взаимопониманию является *интерпретация*, которая заключается – согласно одному из крупнейших мыслителей XX века Полю Рикеру – в „открытии человеческого образа жизни” и должна служить в конечном итоге „лучшему пониманию человека и связи между ним и всем бытием” [Ricoeur 1989: 7]. А средство ознакомления с миром и понимания самого себя – это *дискурсивность языка*. П. Рикер делает что-то эпохальное – переворачивает традиционный порядок, установленный современной философией – признает *субъективность целью*, а не началом познания [Grzmił-Tylutki 2010: 29]. В концепции французского философа дискурс – это языковое событие, и он онтологически первичен по отношению к потенциальной системе, поэтому перманентно актуализирует языковой код [см. там же]. Именно здесь

кроется огромный шанс для согласия между культурами, при заботливом сохранении их этнической самобытности. Элементы языка обладают значением лишь тогда, когда отсылают к другой действительности, различной от их собственной, и в этом заключается дискурсивный характер языка [по Grzmił-Tylutki 2010: 30].

Вспомним, что, согласно великому русскому гуманисту Михаилу Бахтину, у слова столько значений, сколько контекстов, с которыми оно связано. Каждая ситуация наполняет слово новым значением. Кроме знакомого из предыдущего нашего опыта старого знания о мире, слово всегда является и чем-то новым, следовательно мы всегда готовы к „новизне”. Чужая культура тоже есть „новизна”, а мы а priori привыкли к ней. Но в новом высказывании и новом контексте слово не порывает связи со своей историей. Все его смыслы находятся в постоянном диалоге между собой. Человек тоже диалогическое существо. Эту диалогическую интерференцию, которую М. Бахтин называет полифонией, на мировой этнической сцене можно назвать *межкультурной полифонией*. Диалог лежит также основе интертекстуальности, гетерогенного высказывания. Он есть ключ к Бытию, фундамент человеческого существования. Люди могут общаться гармонично и согласованно между собой именно благодаря дискурсивным „привилегиям”, смысловой „демиургичности” и „эвристичности” дискурса: „Każdy dyskurs definiuje zatem **własne denotacje** i poza nim przedmioty są pozbawione znaczeń” („Следовательно, дискурс дефинирует **собственные денотации**, и вне их предметы лишены значения”) [Grzmił-Tylutki 2010: 137].

Каждый дискурс является частью другого дискурса, т.е. „кусочком” интердискурсивного пространства, что означает, что *полемика* – естественный элемент природы дискурса, а не нечто внеочередное, аномальное и враждебное по отношению к коммуникантам. Х. Грзмиł-Тилutki приводит мнение английского философа Карла Поппера а том, что только дискуссия, в которой перекрещиваются взгляды, принадлежащие разным парадигмам, может дать

плоды, при условии что дискутирующие знают не только свою понятийную схему, но и схему своего оппонента [Grzmił-Tylutki 2010: 191].

Полемика – это и есть легитимация дискурса. Он формируется именно в полемике между парадигмами, которыми каждый хочет быть идентифицирован как „искатель” Истины, Добра, Красоты. Часто эти парадигмы релятивизированы интеллектуальными и философскими системами, узурпировавшими свое право на них [по Grzmił-Tylutki 2010: 192]. На самом деле, „со-непонимание” („współ-niezrozumienie”) может оказаться весьма продуктивным: повысить интерес к данной культуре и дать мощный толчок культурной интерференции.

В интернациональном масштабе необходимо, чтобы полигlossия заменила моногlossию. В связи с этим следовало бы создать и разработать новую научную дисциплину – *эматологию*, которая имела бы решающее значение для мультиэтнического взаимопонимания и для избежания стигматизации идеологической реальности. Нам нужно быть более бдительными по отношению к своим собственным текстам, чтобы они не превратились в средство манипуляции, о чем с основанием предупреждает Ядвига Пузынина: „wszystkie nasze teksty są przesycone nie zawsze przez nas dostrzeganymi wartościowaniami. Są to wartościowania różnych subiektów, występujących na różnych poziomach komunikacyjnych. Zabiegi obiektywizacji, pozbawiające wypowiedzi wskaźników subiektywności mają na celu sprawić, by TYO dał się zwieść złudzeniu bezstronności i neutralności przekazu (rzekomo powszechnie uznawanego) i by w konsekwencji TYi przyjął to samo rozumowanie” („все наши тексты пропитаны не всегда замечаемой нами оценочностью. Это оценочность различных субъектов, которая проявляется на различных коммуникативных уровнях. Меры, связанные с объективизацией, лишаящие высказывание признаков субъективности, имеют целью заставить *другого* поддаться заблуждению о беспристрастности и нейтральности сообщения (якобы всеизвестного) и добиться того, чтобы в конечном итоге он принял это самое рассуждение) [Puzynina 1997: 279].

4.5. *Интертекстуальность* как залог универсальной конвергенции между культурами

4.5.1. Несомненно, главная заслуга для возникновения и развития теории интертекстуальности принадлежит великому М. Бахтину – автору теории о полифоническом диалоге. Признавая и высоко оценивая вклад русского ученого, польский литературовед Михал Гловинский вместе с тем делает уточнение, что нельзя ставить знака равенства между диалогичностью и интертекстуальностью, так как диалогичность является более широким понятием, а интертекстуальность приобрела самостоятельность и развила собственную проблематику [Głowiński 2000: 9]. На мой взгляд, этой констатации недостаточно, чтобы разграничить диалогическое от интертекстуального, да и это не обязательно необходимо. Интертекстуальность – это „диалог” между коммуникантами на различных уровнях в различных конфигурациях, а диалогическое – это интертекстуальный взаимообмен, в виде „моноспектакля” внутренних или внешних „диалогических” переливаний (текстов) в индивидуальной зоне производителя текста, или же как „дуэт” или „полилог”, в котором перекрещиваются (интерферируют) тексты участников в коммуникативном акте. Следовательно, в определенной перспективе диалогичность и интертекстуальность могут быть синонимами. Может быть, только „диалог” в смысле взаимопонимания (т.е. исключения конфликта, столкновения) нужно обособить от интертекстуальности. Но, в конечном итоге, даже такие критические жанры, как пародия, памфлет, сатира – яркие интертекстуальные конструкты – не являются средством самоцельной критики, а направлены на то, чтобы был достигнут откровенный и перспективный „диалог”. Прекрасным примером „диалогической”, т.е. созидательной в философско-эстетическом смысле пародии является пародия в творчестве Томаса Манна и Витольда Гомбровича, где она становится мощным конструктивным средством для создания оригинального и новаторского текста. Этого не отрицает и М. Гловинский [Głowiński 2000: 16].

4.5.2. Интертекстуальность в большой степени является также и социолингвистической категорией и, как с основанием отмечает польский ученый, стоит задаться вопросом, каково ее отношение к общественным практикам говорения. Ссылка на другие тексты – это не столь сигнал для вставки их конкретных элементов в собственное высказывание (не обязательно, чтобы они присутствовали в литературном произведении), сколь особенность каждой культуры и, следовательно, способ говорения тех социальных групп, которые ее представляют [см. Głowiński 2000: 24-25]. Автор задает два очень важных вопроса: 1. всегда ли интертекстуальные реляции распознаваемы; и 2. является ли их распознавание обязательным условием для понимания текста, который их содержит?. Так как сама интертекстуальность является динамичным симбиозом самых разных текстов – фильтрованных и переосмысленных („переваренных”) авторской ментальностью – она идентифицируется как смыслопорождающая, перманентно семантизирующая величина, т.е. в потенциальной семантической готовности к модуляции и трансформации. Читательская рецепция также является подвижной и переменной – иной раз она оттеняет интертекстуальные связи, в другой раз затуманивает их.

Как мне думается, ответ на оба поставленных вопроса не может быть однозначным. Не столь важно, распознали ли мы интертекстуальные „филиации”, основательно ли мы беспокоимся, пропустив данный элемент распознанного „чужого” текста, что это ущемит понимание „нашего” (авторского) текста. Беспокойство тут лишнее, так как самая существенная задача интертекстуальности – это генерирование нового смысла как результат внутренней семантической коагуляции из взаимной „ассимиляции” смыслов. Взаимодействие между автором и читателем тоже представляет интертекстуальную реляцию, которая комплементарно „досемантизирует” коммуникативное послание автора текста. Каждая читательская интерпретация – это по сути дописывание, досотворение произведения. Поэтому ее можно определить как текст, пред-

ставляющий собой часть интертекстуального диалогического тандема.

Дискурс также является интертекстом, а его можно рассматривать еще и как метатекст. Каждый текст в ареале интертекстуальности – „комментарий” (метатекст) для своего „партнера” в коммуникативной интеракции.

4.5.3. Сама культура интертекстуальна и, по словам Владимира Н. Топорова, все члены данного языково-культурного сообщества живут и функционируют в общем интертекстуальном пространстве [Топоров 1993: 17]. Русский лингвист обращает внимание на факт, что культура не только вмещает значения, а место, где они взаимно обмениваются, где они передаваемы с целью того, чтобы их переводили с одной культуры на другую [Топоров 1992: 30].

По мнению Юлии Крыстевой, понятие интертекстуальности приходит на смену понятию интерсубъективности. Поэтический текст, например, может быть прочитан многозначно или хотя бы двузначно. Каждый текст – как всасывание и трансформация другого текста – мозаика из цитат [Kristeva 1969: 146]. Если мы представим себе, что инокультурный текст, с которым мы общаемся, есть «поэзия», это означает не только, что его многозначная интерпретация была бы вполне естественной, генетически присущей, но и что в результате интерпретативной „полифонии” читателей текст не лишается чего бы то не было. Он не страдает от нее, а, наоборот, только выигрывает, что касается смысла, морально-этического и эстетического подтекста.

Здесь, наверное, было бы уместно подчеркнуть роль *экспрессии* как „медиатора” между культурами. Как отмечает Петер Тороп, экспрессивность не нуждается в историзме, она может исходить из философской перцепции мира и событий, может формулировать общечеловеческие моральные черты, быть выражением общенациональной (я бы добавила, и интернациональной) этики [Тороп 2008: 281]. Со своей стороны, Эрнст Кассирер утверждает: „Как в теории познания, так и в рассмотрении языка трудно можно провести строгую границу между областью чувственного и областью

интеллектуального [...]”. [Кассирер 1998: 166]. Общность культур возможна именно потому, что такой четкой границы нет.

Важное уточнение относительно интертекстуальности делает и Халина Гжмил-Тилутки. Кроме того, что термин, безусловно, неоднозначен, его этимология имеет и более широкое измерение: как связь текста (или текстов) с окружающим миром, которая реализуется независимо от сознания автора рассматриваемого текста. Поэтому понятие интертекстуальности может расширяться в сторону современных приемов для репродукции культурных достояний (и ценностей) в перспективе так называемой *эстетики повторения* [Grzmił-Tylutki 2010: 277-278]. Это направляет наше внимание в сторону *традиции* как моста между культурами. Возвращение (реанимация и актуализирование) собственной традиции не только дает возможность обнаружить или припомнить более ранние исторические связи нашей собственной культуры с другими культурами и переосмыслить эти связи, но и посредством интеркультурного *сравнения* в диахронном и синхронном плане пробудить специальное внимание к иным культурам – к их прошлому (традициям) и настоящему.

Любая культура является одновременно и метакультурой для остальных культур. Важно, чтобы „метакомментарий” не был тенденциозным, злонамеренным, пропитанным эгоцентризмом, снобизмом, мегаломанией, „гегемонией” и остракизмом. И в конечном итоге – стратегически уничтожительным. Потому что кровавая кара – как „коммуникационный прием” (или мера) – невинных и равноценных человеческих жизней не может быть ни „зародышем”, ни „плодом” межэтнического и межкультурного (интердуховного) взаимопонимания.

4.5.4. Я разделяю констатацию М. Гловиньского, что стирание интертекстуальной связи или невозможность/неспособность ее заметить не является помехой для понимания литературного произведения [Głowiński 2000: 30]. Более того, это может стимулировать более активную интерпретацию художественного текста,

может индивидуализировать его понимание во имя отвержения шаблона, нарциссизма, рекламной „пандемии” и „массового потребления”, „психотропных полуфабрикатов” медиа. Важен прежде всего отзвук литературного произведения, „мораль”, которую рецептор извлекает из него, а не „умение” идентифицировать конкретные интертекстуальные отсылки. Самая существенная роль интертекстуальных практик состоит в том, чтобы они оказали влияние на способы чтения и отправили интеллектуально-эстетический вызов читателю. Как область свободного выбора, интертекстуальность может иметь полемический характер, и как раз в этом заключается ее очарование – в пересечении взглядов и позиций, порождающем и реализующем идею справедливости в межэтническом пространстве.

Ограниченный объем статьи не позволяет мне развить здесь более всеобъемлюще и исчерпывающе данную тему. Мне хочется только добавить, что *перевод* как диалог культур и *художественный язык* (со всеми его волшебными „диловинками”: лингво-артистическими трансгрессиями, „фосфоресцирующими” неологизмами, оксимороном как интеллектуально-эстетическая компрессия, и художественной аксиомой объединения, эстетическими категориями, особенно *гротеском* в его качестве визуально-языкового эквивалента эвристических завоеваний изящных искусств как универсальной (и трансцендентальной) модели сочленения народов и культур), рассматриваемые в качестве посредников межэтнического взаимопонимания, предоставляют обширную и чрезвычайно интересную проблематику для исследований в контексте диалога цивилизаций.

В заключение к вышеизложенному, можно сформулировать следующие выводы и обобщения:

1. Общая языковая принадлежность индивидуумов к миру как их общее достояние, предопределяет этнокультурную конвергенцию, которая может не только сохранить жизнь, но станет единственной возможностью для спасения мира.

2. Исходная когнитивно-концептуальная база, лежащая в основе языка,

излучает психо-генетические предпосылки для межэтнического понимания и согласования цивилизаций.

3. Избирательная доязыковая готовность, которая порождает понятия, играет роль универсального фокуса для центростремительных импульсов языков и культур.

4. Изначальная дейктическая „решетка” как универсалия является надежной основой для межэтнического согласия.

5. „Несравнимое”, как плод компаративной операции не является поводом для отчуждения и нетерпимости, а стимулом для понимания и включения другого/чужого, инокультурного.

6. Утилитарные фразеологические нарушения (пертурбации), не только не эрозируют взаимопонимание и ко-гравитацию между культурами, но наоборот – усиливают и ускоряют ее, благодаря коммуникативной мобильности в орбите известного, общедоступного, привязывающего – то, которое роднит.

7. Релятивизм культур как дискурсивные «вселенные» делает их открытыми и компатибельными между собой, а это само по себе является уникальным шансом для помирения и взаимопонимания между этносами.

8. Созвучное „многоязычие” в рамках данной культуры, как будто олицетворяет рифмическое многоязычие и это монолитное звучание в глобальном цивилизационном пространстве, а бином „свое-чужое” релятивируется и приобретает реципрокную (зеркальную) зависимость. Основываясь на собственном опыте в своей собственной культуре, мы можем в то же самое время антиципировать и различное в другой культуре, которое в своей „различности” оказывается не настолько для нас чужим.

9. Наличие противоположностей не только не подрывает единение и сближение культур, но его поощряет и катализирует потому что, как говорит Алексей Лосев: „Там, где нет различий и противопоставлений, там нет и не может быть никакого смысла” [Лосев 2004: 243]. В „лаборатории” коммуникативного „соперничества” рождаются благородные помыслы, открытия, перспективы; рождается спасение. Проникновение, понимание смысла в

иностранной культуре способствует пониманию собственной культуры, углублению знаний о ней и ее совершенствованию.

10. Себялюбие, фанатизм и императивность коммуникативного усилия преодолимы только в многоэтнической и мультикультурной перспективе, если мы пытаемся, хотя бы играючи „реверплотиться” в чужую культуру.

Коммуникация как универсальная потребность, способ и форма существования, предлагает и способы для взаимопонимания.

11. Сплочение культур возможно, если мы откажемся от коммуникации как нашего „собственного владения” и „признаем” ее как всеобщее достояние; если мы относимся к ней с нужным пиететом, если дорожим и поддерживаем ее как высшую ценность.

12. Повторение как регенерация и „рефренирование” вечности, как загадка и новость, смыслогенетика и профетика, диалектика и демиургия, является ключом к прогрессу любого языка и культуры.

13. Углубленное молчание некоторых культур является не только призывом для понимания и этнолюбия, но также и примером для „подражания” на пути к индивидуальному и межличностному самосовершенствованию, аллюзией на взаимный восход культур.

14. „Молчаливое” единение не только укрепляет связи между отдельными этносами, но оплодотворяет язык и расширяет его семантический диапазон.

15. Первичность дискурса как лингвистическое событие (с его полемическим характером) релятивирует языковой „порядок” и дает народам шанс для взаимопонимания и плодотворного взаимодействия.

16. „Объективизация” высказывания является инструментом для манипулирования сознания и сокрытия Истины, Этики и Добра. Стремление к знанию и к гармоничным межкультурным отношениям, гравитирует к Субъекту и субъективному мироощущению.

17. Интертекстуальность как признак культуры является „литейной” смыслов, альтернативой для пере-

семантизации и досемантизации коммуникативных посланий, которые могут и должны стать призывом к цивилизационному пробуждению и приобщению этносов.

18. Созидательная интерференция должна исключать злоупотребление с достоинством кого либо, искусственное создание и раздувание коллизий, а вместо того должна обеспечить взаимопонимание между народами не путем их унифицирования, т.е. за счет их самобытности, а именно „через“ них – сохраняя и поощряя их развитие.

19. Колоссальное значение приобретает вопрос *ответственности*, которую мы берем за свои слова, а также и за роль языкового „триумвирата“ Этика-Эстетика-Экспрессия как „посредник“ и „объединитель“ народов через их культуры.

20. Дорога к этническому примирению и пониманию проходит не от самобытного к общему, а обратным путем – от общего, как объединяющая платформа, к самобытному, специфичному. Только тогда его можно понять.

References:

1. Ampel' 1978: Ampel, Teresa. *Elipsa i powtórzenie w żywej mowie*. W: *Studia nad składnią polszczyzny mówionej*. Skubalanka, Teresa (red.) – Wrocław., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978, 177–182.
2. Apresjan 1986: Apresjan, Ju. *Nekotor'ie soobrazhenija o dejksise v svjazi s ponjatiem naivnoj modeli mira* [Some considerations about the deixis in connection with the concept of the naive model of the world], [V:] *Teoria tekstu* [Textual theories]. Zbiór studiów. (Ed.) T. Dobrzyńska, Kraków – Wrocław., Ossolineum, 1986, 83–98.
3. Bart 2005: Bart, R. *Rolan Bart for Rolan Bart*. – Sofija., CREDO, 2005.
4. Bart 2009: Barthes, R. *Podstawy semiologii*. Kraków., WUJ, 2009.
5. Vezhbickaja 1999: Wierzbicka, A. *Język – Umysł – Kultura*. – Warszawa., PWN, 1999.
6. Vezhbickaja 2010: Wierzbicka, A. *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne*. – Lublin., WUMCS, 2010.
7. Gzhmil-Tilutki 2010: Grzmil-Tylutki, Halina. *Francuska teoria dyskursu*. – Kraków., UNIVERSITAS, 2010.

8. Glovin'skij 2000b: Głowiński, M. *Intertekstualność, groteska, parodia* (Szkice ogólne i interpretacje. – Kraków., Universitas, 2000.

9. Zalevszkaja 2012: Zalevszkaja, A.A. *Znachenie slova i metafora „zhivojpolikodovoj gipertekst”* [The meaning and metaphor „living polycoded hypertext“], in: *Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences*. – London, IASHE, 2012., pp. 189–191; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

10. Kassirer 1998: Kasirer, E. *Ezik#t. Filosofija na simvolichnite formi* [Philosophy of symbolic forms], Volume I. – Sofija., Eurasia, 1998. <https://doi.org/10.5840/newvico19981615>

11. Krejpo 2000: Krejpo, Richli H. *Kulturna antropologija* [Cultural anthropology]. – Sofija., Leek, 2000.

12. Krysteva 1969: Kristeva, J. *Sémioticè. Recherches pour une sémanalyse. Essais*. – Paris., 1969. <https://doi.org/10.2307/40125027>

13. Losev 2004: Losev, A. *Samoto samó*. – Sofija., Zaharij Stojanov, 2004.

14. Puzinina 1997: Puzynina, Jadwiga. *Słowo – Wartość – Kultura*. – Lublin., KUL, 1997.

15. Riker 1989: Ricoeur, Paul. *Język, tekst, interpretacja. Wybór pism*. – Warszawa., PIW, 1989. https://doi.org/10.1007/978-94-009-2593-9_10

a. Slavkova 2005: Sławkowa, E. *Style konwersacyjne w perspektywie komunikacji międzykulturowej*, *POSTSCRIPTUM*, 2005, 2 (50), 46–58.

b. Toporov 1992: Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo* [Symbol. Form. Research in the field of poetic myths]. – Moskva., Culture, 1992.

c. Toporov 1993: Toporov, V.N. *O „rezonantnom” prostranstve literatury (neskol'ko zamechanij)* [About the „resonant” space of literature (some observations)]. V: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. Ed. By V. Polukhina, J. Andrew, R/Reid. Rodopi, Amsterdam. – Atlanta, 1993, pp. 16–60.

d. Torop 2008: Torop, P.

Przekład całkowity. W: Paul Ricoeur, Peeter Torop. *O tłumaczeniu*. – Gdańsk., WUG, 2008, pp. 63–285.

16. Hamze 2015a: Hamze, D. *Rol' dejksisa v groteskogeneze (na materiale tvorcestva V. Gombrovicha)* [The role of deixis in the genesis of grotesque (on the basis of creativity of V. Gombrowicz)]. – In: *Development of language systems in the context of accelerated dynamics of public relations*. Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the XCVII International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology (London, February 24 – March 02, 2015). Published by IASHE, London, 2015, 2–35., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/66329> <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1258>

17. Hamze 2015b: Hamze, D. *Kommunikativno-razgovornyj „arsenal” hudozhestvennogo jazyka v groteskno dominirovannom tvorcestve Vitol'da Gombrovicha*. In: *Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover*. London: IASHE, 2015, pp. 23–33., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/76763#comment-77502> <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1277>

18. Chorán 2006: Chorán, E. *Nar#chnik po razlozhenie* [Manual of decay]. – Sofija., Fasel ekspres [Torch Express], 2006.

a. Jaspers 1994: Jaspers, K. *Vvedenie v filosofijata* [Introduction to Philosophy]. – Sofija., Oksiart, 1994. <https://doi.org/10.1515/9781400868612-003>

Литература:

1. Ампель 1978: Ampel, Teresa. *Elipsa i powtórzenie w żywej mowie*. W: *Studia nad składnią polszczyzny mówionej*. Skubalanka, Teresa (red.) – Wrocław., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978, 177–182.
2. Апресян 1986: Апресян, Ю. *Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира*, [B:] *Teoria tekstu*. Zbiór studiów. (red.) T. Dobrzyńska, Kraków – Wrocław., Ossolineum, 1986, 83–98.
3. Барт 2005: Барт, Р. *Ролан Барт за*

Ролан Барт. – София., CREDO, 2005.

4. Барт 2009: Barthes, R. Podstawy semiologii. Kraków., WUJ, 2009.

5. Вежицкая 1999: Wierzbicka, A. Język – Umysł – Kultura. - Warszawa., PWN, 1999.

6. Вежицкая 2010: Wierzbicka, A. Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne. – Lublin., WUMCS, 2010.

7. Гжмил-Тилutki 2010: Grzmil-Tylutki, Halina. Francuska teoria dyskursu. – Kraków., UNIVERSITAS, 2010.

8. Гловинский 2006: Głowiński, M. Intertekstualność, groteska, parodia (Szkice ogólne i interpretacje. – Kraków., Universitas, 2000.

9. Залевская 2012: Залевская, А.А. Значение слова и метафора „живой поликодовый гипертекст”, in: Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences. - London, IASHE, 2012., pp. 189–191; źródło elektr. <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

10. Кассирер 1998: Кассирер, Е. Езикът. Философия на символичните форми. Том I. – София., Евразия, 1998.

11. Крейпо 2000: Крейпо, Ричли Х. Културна антропология. – София., Лик, 2000.

12. Крыстева 1969: Kristeva, J. Sémiotique. Recherches pour une sémanalyse. Essais. – Paris., 1969.

13. Лосев 2004: Лосев, А. Само-то само. – София., Захарий Стоянов, 2004.

14. Пузнина 1997: Puzynina, Jadwiga. Słowo – Wartość – Kultura. – Lublin., KUL, 1997.

15. Рикер 1989: Ricoeur, Paul. Język, tekst, interpretacja. Wybór pism. – Warszawa., PIW, 1989.

a. Славкова 2005: Sławkowa, E. Style konwersacyjne w perspektywie komunikacji międzykulturowej., POSTSCRIPTUM, 2005, 2 (50), 46–58.

b. Топоров 1992: Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – Москва., Культура, 1992.

с. Топоров 1993: Топоров, В.Н. О „резонантном” пространстве литературы (несколько замечаний). В: Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Ed. By V. Polukhina, J. Andrew, R/Reid. Rodopi, Amsterdam. - Atlanta, 1993, pp. 16–60.

d. Тороп 2008: Torop, P. Przekład całkowity. W: Paul Ricoeur, Peeter Torop. O tłumaczeniu. – Gdańsk., WUG, 2008, pp. 63–285.

16. Хамзе 2015а: Хамзе, Д. Роль дейкиса в гротескогенезе (на материале творчества В. Гомбровича). – In: Development of language systems

in the context of accelerated dynamics of public relations. Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the XCVII International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology (London, February 24 – March 02, 2015). Published by IASHE, London, 2015, 2–35., электр. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/66329>

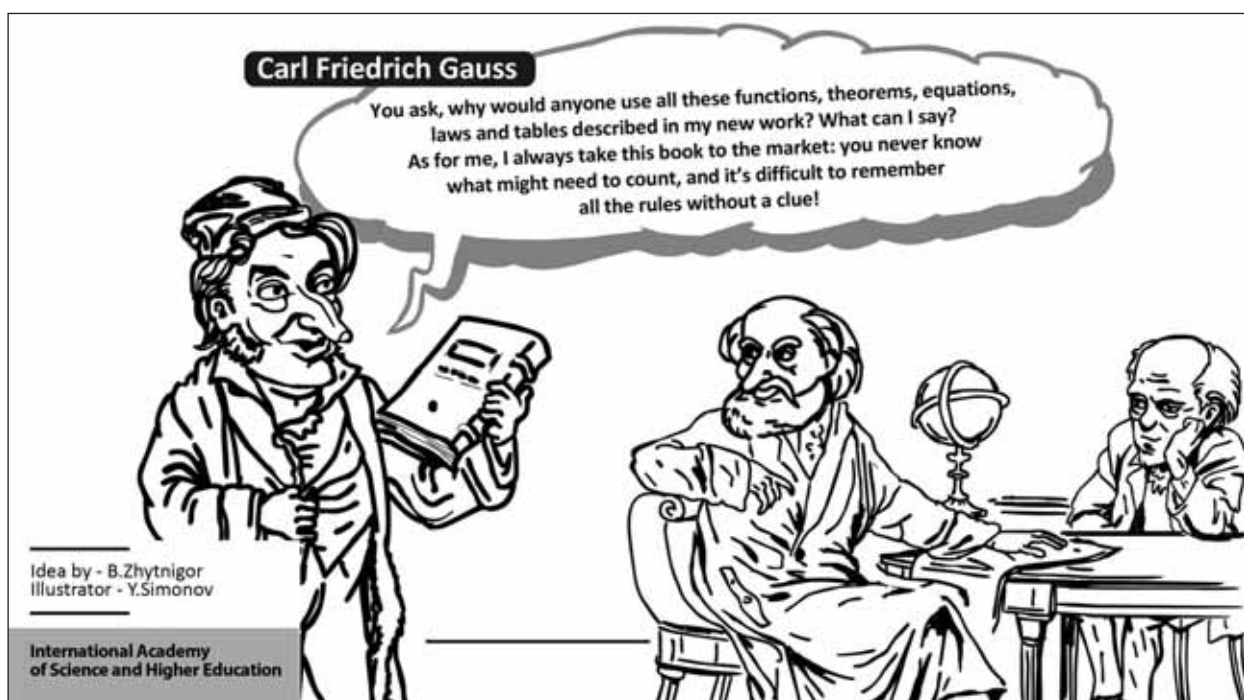
17. Хамзе 2015б: Хамзе, Д. Коммуникативно-разговорный „арсенал” художественного языка в гротескно доминированном творчестве Витольда Гомбровича. In: Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover. London: IASHE, 2015, pp. 23–33. Эл. источник: <http://gisap.eu/ru/node/76763#comment-77502>

18. Чоран 2006: Чоран, Е. Наръчник по разложение. – София., Факел експрес, 2006.

а. Ясперс 1994: Ясперс, К. Въведение във философията. – София., Оксидарт, 1994.

Information about authors:

1. DMITRINA Hamze - Assistant, Plovdiv University „Paisii Hilendarski”; address: Bulgaria, Sofia city; e-mail: didiham@abv.bg

**ABOUT NATIONAL AND CULTURAL
MOTIVATION OF LINGUISTIC SIGNS
AS A MANIFESTATION OF ETHNIC
IDENTITY OF LANGUAGES**

V.S. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The author considers some issues of modern science of motivation related to the language-based conceptualisation of reality. The motivation of language and motivation of a language sign are predetermined by the special world view inherent in a certain ethnos. Identity of any people, their culture and mentality in many respects are explained by this circumstance. The idioethnic peculiarities of nomination of realities in a certain language are determined using the materials of phonosemantics, sound symbolism and onomatopoeia. The anthropocentric principle used in the paper allows to define the linguistic human nature, and to understand the spirit of the people speaking a certain language.

Keywords: science of motivation, anthropocentrism principle, language sign, language world view, phonosemantics, sound symbolism, onomatopoeia.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

**О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО
ЗНАКА КАК ПРОЯВЛЕНИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ
ЯЗЫКОВ**

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматриваются некоторые вопросы современной мотивологии, связанные с языковой концептуализацией действительности. Мотивированность языка, мотивировка языкового знака обусловлены особым взглядом на мир, присущим определенному этносу. Этим обстоятельством во многом объясняется самобытность любого народа, его культуры и ментальности. На материале фоносемантики, звукоимеизма и звукоподражания устанавливаются идиоэтнические особенности номинации реалий в том или ином языке. Используемый в статье антропоцентрический принцип позволяет определить лингвистическую природу человека, и понять дух народа, которому принадлежит определенный язык.

Ключевые слова: мотивология, принцип антропоцентризма, языковой знак, языковая картина мира, фоносемантика, звукоимеизм, звукоподражательные слова.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1488>

Знаменитая формула Вильгельма фон Гумбольдта «Язык народа есть дух народа, а дух народа есть его язык» позволяет многое понять и объяснить в природе дихотомии «язык и этнос», «язык и человек». Общеизвестно, многие лингвистические школы в истории науки в своих общетеоретических и методологических положениях исходили из идей В. фон Гумбольдта. И принцип антропоцентризма и сама антропоцентрическая парадигма, ставшие господствующими в современной лингвистике, исходят из учения В. фон Гумбольдта о природе языка. Несомненно также, что современные концепции о языковой концептуализации действительности, о языковой картине мира восходят к В. фон Гумбольдту, к его идеям. К идее В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка как отражении самобытности этнической культуры восходит и современное лингвистическое учение, именуемое мотивологией (см. [1]). Как известно, в этом направлении исследование языка сводится в итоге к установлению так называемой внутренней формы слова, семантической мотивировки лексической номинации. Однако мотивированность, мотивировка языкового знака может

быть прослежена на всех уровнях языка, прежде всего на фонетическом, поскольку в звуковом строе наиболее наглядно, «осозаемо» проявляется национально-культурная самобытность определенного народа.

Несмотря на общие, универсальные черты, обусловленные концептуальной картиной мира, язык человека как реальность по природе своей идиоэтничен, что проявляется прежде всего в языковой (наивной) картине мира, под влиянием которой находятся все сферы языка и его единицы. Существенно также, что картина мира зависит не только от языкового «взгляда» на мир, когда «умо-зрительное», ненаблюдаемое, предстает в виде «очевидного», чувственно воспринимаемого, наглядного [6: 53], но и от акустического, слухового восприятия мира. В этом случае языковая картина мира определяется тем, как «слышимое» и «слушаемое» трансформируется в «услышанное», т.е. как и каким образом происходит социологизация звуковых образов языка, поскольку фонемное распознавание того или иного языка есть условие и результат смыслового распознавания.

Звуковые восприятия, участвующие в создании языковой картины

мира, занимают важное место в сознании носителей языка. Это связано с необходимостью или создать звуковой «образ» фрагментов действительности, или осмыслить (точнее – «осмыслить», наполнить содержанием) звуковой знак. Начиная со спора о «правильности имен» в античной философии и поиска так называемого «этимона», кончая современными концепциями звукоимеизма и звукообразности, эта проблема в той или иной степени всегда интересовала лингвистику, особенно при попытке выяснить, в какой степени звук (или звуки) способен вызывать смысловые ассоциации, как мир «природных» звуков представлен в том или ином языке. Естественно, первоначально было обращено внимание на самые явные проявления этих связей, к которым относятся прежде всего звукоподражательные слова (о проблемах фоносемантики, звукоимеизма и звукообразности, как известно, существует значительная литература, см., частности, работу [2]).

Природные звуки, в том числе и звуки, произносимые животными, не фонемы в лингвистическом смысле (при собственно семиотическом подходе они в системе своего «язы-

ка”, естественно, должны считаться знаками-сигналами, передающими определенную информацию), поэтому звукоподражательные слова - это лишь звуковой (фонемный) образ природного звука или процесса, сопровождающегося тем или иным звуком. Этот образ накладывает отпечаток на общую языковую картину мира и определяет ее идиознотические особенности, обусловленные фонемным членением неартикулированного звукового потока. “Это членение, - пишет Б.А. Серебrenников, - носит сугубо индивидуальный характер по принципу “что кому слышится и как представляется”. Возможно, что у разных индивидуумов и у носителей языка создаются какие-то целостные доминанты восприятия. Слушая свист, русский и татарин выделили какой-то звук, который можно передать фонемой /c/, ср., рус. *свист*, тат. *сызгыру*. У немца доминанта восприятия оказалась другой. Он подметил глухой шум, который можно передать фонемой /f/, ср. нем. *pfeifen*. Человек, говорящий на латинском языке, уловил обе эти характеристики сразу, что нашло отражение в глаголе *sibilare* ‘свистеть’, где /s/ и губное /b/ представлены одновременно. Вариации здесь могут быть самыми различными. Кроме того, и сам свист мог быть разного качества. Свист, производимый сильным ветром, свистком или губами человека, может вызвать далеко не одинаковое ощущение” [1988] см. также [2009] (Серебrenников, 1988, 94).

Более сложен звуковой образ, участвующий в создании языковой картины мира в случаях с так называемым звукоимогом, когда определенный звуковой комплекс в качестве доминанты используется для выражения определенных свойств, присущих предметам, явлениям, процессам, например: “чувашское *пелт* - подражание горению небольшого пламени, *тар-тар* - подражание дрожанию, бурятское *бур-бур гэхэ* ‘клубиться (о дыме)’, нанайское *булчи-булчи* ‘прижимать уши’, марийское *виж-вуж* ‘быстро’ и т.д. (примеры из работы [8: 94], см. также [7]).

Однако в явлении звукоимогом и звукоизобразительности многое до сих пор остается неясным и спор-

ным, поскольку некоторые наблюдения носят сомнительный характер и основаны на некорректных толкованиях в зависимости от субъективного восприятия исследователя. Тем не менее, несмотря на это, сама постановка проблемы звукоимогом и смежных с ним явлений стимулировала исследование роли человеческого фактора в языке, в частности, это привело к некоторому пересмотру основополагающего принципа произвольности языкового знака и возрождения учения о внутренней форме языка. Восходящее к Ч.С. Пирсу и Ф. де Соссюру положение об отсутствии прямой связи между означаемым и означаемым знаком (принцип произвольности знака) в сущности верно отражает семиотическую природу языка. “Однако, - как пишет М.М. Копыленко, - психологическая природа человека, осуществляющего номинацию, противоречит принципу произвольности. Человек склонен к мотивированию, т.е. к образованию знаков, устройство, структура которых ему понятны” [3: 9]. Ср. также: “Эта конвенция (между отправителем и получателем - В.Л.) связывает условной, в принципе произвольной связью означаемое (десигнатор) и означаемое (значение, десигнат) с тем, чтобы посредством означаемого отправитель знака мог по своей воле и желанию актуализировать значения в сознании получателя. Связь двух сторон знака произвольна в принципе, но ничего не мешает ей (там, где это возможно и желательным) быть так или иначе мотивированной (например, для удобства запоминания и понимания знака)” [5: 5].

Мотивировка помогает в итоге эксплицировать и объяснить языковую картину мира, установить ее отношения и связи с концептуальной картиной мира, которые основываются на импликационных, сравнительно-классификационных и семиотических отношениях. Без этой мотивировки, следовательно, невозможно выявление национальной картины мира. Однако трудно установить предел, или порог, до которого удается прийти при попытке найти истоки мотивировки, поскольку знаковая природа языка постоянно “сопротивляется” такому мотивированию, а сам языковой

знак, когда-то, возможно, имевший явный источник мотивации, стремится избавиться от него. Достаточно, чтобы убедиться в этом, обратиться к этимологическим истокам слов. Для иллюстрации приведем лишь одну выдержку из работы Б.А. Серебrenникова: “Слова *береза* и *лебедь* в русском языке связаны с наименованием белого цвета. Береза восходит к древнему *bherag* ‘светлый, белый’, а *лебедь* - к корню *albh* ‘белый’ (ср. лат. *albus* ‘белый’). Но таких прилагательных в русском языке давно нет. Слово *сын* из *sunos* никак не может быть ассоциировано с глагольной основой *su* ‘рождать’, поскольку эта основа в русском языке, даже в его предке - праславянском, давно утрачена.

Когда слово заимствуется одним языком из другого, оно также изолируется, поскольку его этимологические связи остаются в пределах другого языка. Существующее в русском языке слово *ковбой*, заимствованное из английского, не разлагается в сознании русского на составные части, поскольку этимологические связи остались в пределах английского языка» [8: 97]. Однако тенденция предать забвению внутреннюю форму слова, стремление языка придать слову функцию знака (означивание слова) вполне уживаются с желанием носителей языка найти мотивированное название чему-либо. Ср., например, употребляемое, наряду с заимствованным из французского *метрополитен*, в разговорном стиле слово *подземка* с четкой мотивировкой именованья (ср. нем. *Ungergrundbahn*, англ. (амер.) *subway*). Часто это делается (как в данном случае) для передачи инонациональной и инокультурной реалии, но это еще раз подтверждает стремление человека мотивировать языковой знак.

Таким образом, следует признать, что в естественном языке постоянно происходит взаимодействие двух сил - тенденции знака быть произвольным и стремления человека мотивировать его.

Когда говорят о мотивированности языкового знака в современной лингвистике, то речь идет не столько об известных случаях как называемой народной этимологии и вторичной номинации, сколько о за-

висимости языкового знака от коммуникативной интенции говорящего и компетенции слушающего, что в итоге привело в рамках когнитивного подхода к языку к пересмотру соотношения между частями семиотики (семантикой, прагматикой, синтактикой): семантика рассматривается как область истинности высказываний и область представления знаний о мире (что связывает семантику с учением о языковой картине мира), прагматика - как "область мнений, оценок, презумпций и установок говорящих" [4: 441], синтактика - как область формального вывода. Современная лингвистика с ее антропоцентрическим подходом к языку демонстрирует огромные возможности в исследовании самобытности любого языка, любого языкового знака, прежде всего его семантики и прагматики. Эти аспекты языкового знака строго мотивированы особым видением мира, свойственным определенному этносу, его национальным духом, ибо «язык народа есть его дух».

References:

1. Blinova O.I. Motivologija i ee aspekty [Science of motives and its aspects] – Tomsk, Krasand 2010. – 301 p.
2. Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of phonosemantics]. - Moskva., Lenand, 2006.-248 p.

3. Kopylenko M.M. Motivacija kak faktor razvitija jazyka., Aktual'nye problemy lingvistiki [Motivation as a factor in the development of language. Actual problems of linguistics]. – Almaty, KazGUMOiMJa, 1998, pp. 4-16.

4. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. – Moskva., Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija [the Great Russian Encyclopaedia], 2002. – 687 p.

5. Nikitin M.V. Osnovy lingvisticheskoj teorii znachenija [Fundamentals of a linguistic theory of meaning]. – Moskva., Librokom, 2009. – 168 p.

6. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka., Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [Picture of the world in human life. Role of a human factor in language: Language and the world view]. – Moskva., Nauka. 1988, pp. 47-78.

7. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i myshlenie [The role of a human factor in language: Language and thinking]. – Moskva., Editorial URSS, 2010. – 248 p.

8. Serebrennikov B.A. Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [How is the world view reflected in the language. Role of a human factor in language: Language and the world view]. – Moskva, Science, 1988, pp. 87-110.

Литература:

1. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты – Томск, Красанд 2010. – 301 с.

2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. - Москва, Ленанд, 2006. – 248 с.

3. Копыленко М.М. Мотивация как фактор развития языка. Актуальные проблемы лингвистики. – Алматы, КазГУМОиМЯ, 1998, С. 4-16.

4. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва., Большая Российская энциклопедия, 2002. – 687 с.

5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. - Москва, Либроком, 2009. – 168 с.

6. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва, Наука. 1988, С. 47-78.

7. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – Москва, Едиториал УРСС, 2010. – 248 с.

- 8.. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва, Наука, 1988, С. 87-110.

Information about author:

1. Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

**WILHELM VON HUMBOLDT
AND LANGUAGE AS THE «LIVE
KNOWLEDGE»**

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Some statements made by W. von Humboldt about the language and the word meaning are considered. Some ideas of scientists further developing his ideas are presented together with the latest results of brain activity investigation, supporting the Humboldt's ideas of a perceptual basis of the language and the word meaning.

Keywords: perceptual foundation of language, word meaning, "live knowledge".

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

**ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ГУМБОЛЬДТ И ЯЗЫК
КАК «ЖИВОЕ ЗНАНИЕ»**

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Обсуждаются некоторые высказывания В. фон Гумбольдта о языке и значении слова. Приводятся высказывания ряда учёных, развивающих идеи Гумбольдта, и результаты новейших исследований мозговой деятельности человека, подтверждающие правомерность суждений Гумбольдта о чувственной базе языка и значения слова.

Ключевые слова: чувственная база языка, значение слова, «живое» знание.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1487>

Вводные замечания

«Никакое мышление, даже чистейшее, не может существовать иначе, чем в общепринятых формах нашей чувственности; только в них мы можем воспринимать и запечатлевать его» [Гумбольдт, 1984: 301].

Научное наследие Вильгельма фон Гумбольдта чрезвычайно объёмно и многогранно. Представители многих областей науки о человеке находят в его трудах ценные теоретические положения и рекомендации относительно практического применения принципов анализа языковых явлений. К сожалению, нередко приходится сталкиваться с тем, что молодые исследователи языка судят об идеях Гумбольдта не по первоисточникам, а по критическим статьям, написанным десятки лет тому назад и выполненным в русле соответствующих научных парадигм. Поэтому представляется актуальным обратить внимание на то, что только теперь можно оценить некоторые высказывания Гумбольдта как отвечающие современным представлениям о языке как «живом знании», а его трактовку специфики значения слова – подкрепить новейшими данными из области науки о мозге.

**В. фон Гумбольдт
о языке и слове**

Прежде всего обратим внимание на то, что Гумбольдт акцентировал недопустимость абсолютизации какого-

либо теоретического положения, принятия его в качестве истины в последней инстанции и распространения за пределы допустимых границ, ср.:

Трактовка Гумбольдом жизненности языка особенно ярко проявляется в его учении о слове. «Слово, действительно, есть знак, в той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека; он, действительно, основан на условности, поскольку все члены одной общности понимают друг друга, но отдельные слова возникают прежде всего из природного чувства говорящего и понимаются через подобные им природные чувства слуша-

ющего...» [цит. раб.: 304]. Тем самым разграничены функции слова (в данном случае – знаковая функция) и то, благодаря чему такие функции могут выполняться, т.е. *лежащие за словом чувственные корни значения слова*. Более того, уточняется, что слово отличается от других «сущностей» и по *способу построения*, и по *действию*. Фактически, имплицитно признано то, что речь идёт не о языке «вообще» (как научной абстракции), а о языке как *достоянию пользующегося языком человека*. Заметим также, что прослеживается и постулирование *двойной жизни значения слова*: с одной стороны, значения обусловлены «договором», поскольку все члены некоторой общности должны понимать друг друга (в современных терминах – иметь разделяемое с другими членами общности знание); с другой стороны

– значение слова служит «мостиком» между «миром внешних явлений и внутренним миром человека», а последнее не может не быть связанным с чувственным миром и обусловленным им (ср. также высказывание Гумбольдта, приведённое в качестве эпиграфа к этой статье). Именно поэтому в значении слов Гумбольдт видит сочетание *неопределённости* (слово должно выражать нечто обобщённое) и *чувственной живости*. Снятию неопределённости способствует опора на формальные признаки слова: «Значение же по своей природе является неопределённым и на каждом шагу нуждается в руководстве со стороны формы; будучи оторванным от последней, оно никак не может гарантировать правильность его распознавания. Ведь значение корня как такового, будучи обязанным включать в себя значения всех производных слов, естественно, должно быть общим, а тем самым – неопределённым» [5: 352].

Чувственная живость языка сопровождается сочетанием с *логическим упорядочением* и *игрой воображения*: «... хотя, с одной стороны, ... соединения слов обнаруживают чувство логического упорядочения, всё же чаще в них сказывается деятельность живой силы воображения...» [4: 294]. Чрезвычайно актуальным представляется указание Гумбольдта на то, что нельзя отождествлять общее понятие «обозначение» и то, как оно реализуется в ситуации функционирования слова у человека: «Слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и ещё в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается *способностью представлять вещь с разных точек зрения и различными путями*, от простого обозначения – тем, что имеет *свой собственный определённый чувственный образ*. Тот, кто произносит слово *Wolke*, не думает ни о дефиниции, ни о конкретном изображении этого природного объекта. Все его разнообразные понятия и образы, все ощущения, возникающие при виде этого предмета, наконец, всё, что внутри и вне нас с ним связано, может представиться духу, не рискуя при

этом быть смешанным с чем-либо, так как скреплено одним-единственным звуком. Это звук даёт при этом ещё нечто большее, вызывая то одни, то другие из связываемых с ним некогда ощущений...» [цит. раб.: 305].

Неоднократно возвращаясь к мысли о том, что *слово – не «пустой субстрат», но «чувственная форма»,* Гумбольдт указывает на важность учёта *национально-культурной специфики значений слов в разных языках*: «... далеко не безразличен конкретный вид этой чувственной формы, немислимой без того действия, которое она производит разнообразными описываемыми способами, и есть основания полагать, что слова различных языков, обозначающие даже самые конкретные предметы, не являются полными синонимами... Это ещё более верно там, где речь идёт о неконкретных предметах, когда слово достигает гораздо большей значимости, удаляясь более, чем в случае конкретного предмета, от обычного понятия знака. Мысли и чувства имеют соответственно ещё менее определённые очертания, могут быть многосторонними, представляемыми в большем числе чувственных образов, которые в свою очередь вызывают особые ощущения. Среди такого рода слов, также и в том случае, когда они обозначают понятия полностью определённые, ещё в меньшей степени возможно указать равнозначные» [цит. раб.: 306].

Следует подчеркнуть, что это совершенно справедливое замечание Гумбольдта до сих пор игнорируется теми, кто при исследовании лексики (в том числе при межязыковых / межкультурных сопоставлениях или в связи с анализом переводов) говорит о словах–эквивалентах, хотя на самом деле речь может идти только о словах–коррелятах в разных языках. Многолетний опыт экспериментальных исследований в области лексики также свидетельствует о расхождениях в том, что лежит за казалась бы одним и тем же словом даже для носителей одного и того же языка; более того, с течением времени значение слова может претерпевать определённые изменения, и даже при сохранении значения слова может происходить некоторый «сдвиг» в тех эмоционально-оце-

ночных переживаниях, которые непроизвольно увязываются со словом (см. подробно: [7–9; 16]).

Идеи В. фон Гумбольдта в более поздних исследованиях

Представляется важным отметить, что отмеченные особенности учения Гумбольдта о языке и слове нашли отражение и дальнейшее развитие в трудах российских языковедов и психологов. Так, по мнению А.А. Потебни, «... какой бы отвлечённости и глубины ни достигала наша мысль, она не отделяется от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к исходной точке, представлению» [14: 198], т.е. к чувственным корням значения слова. Потебня неоднократно предостерегал против отождествления научных абстракций и реальной жизни языка: «... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [цит. раб.: 465–466]. Ф.Ф. Фортунатов фокусировался на выходе посредством слова не на осмысление языковых форм, а на то, что за ними лежит: «Ясно, что слова для нашего мышления являются известными знаками, так как, представляя себе в процессе мысли те или другие слова, следовательно, те или другие звуковые комплексы, являющиеся в данном языке словами, мы думаем при этом не о звуках речи, а о другом при помощи представлений звуков речи как представителей знаков для мысли» [15: 313].

И.А. Бодуэн де Куртэнэ отстаивал мнение, согласно которому «Нужно различать категории языковедения от категорий языка: первые представляют чистые отвлечения; вторые же – то, что живет в языке...», он указывал, что «категории языка суть также категории языковедения, но категории, основанные на чутье языка народом и вообще на объективных условиях бессознательной жизни человеческого организма, между тем как категории языковедения в строгом смысле суть по преимуществу абстракции» [1: 60]. Представляется важным

особо подчеркнуть значимость указания Бодуэна де Куртенэ на то, что одна из задач семасиологии – исследование психического содержания языковых явлений, т.е. представлений, связанных с языком и движущихся в его формах, но имеющих независимое бытие как отражения «внешнего и внутреннего мира в человеческой душе за пределами языковых форм» [цит. раб.: 214]. По мнению Н.В. Крушевского, «язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно-психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка» [11: 406], а слово «соединяется в такую неразрывную пару с представлением о вещи, что становится ... полным её знаком, приобретает способность возбуждать представление о вещи со всеми её признаками» [цит. раб.: 430].

Л.С. Выготский: указывал, что «Знак возникает в результате сложного процесса развития... Для того, чтобы быть знаком вещи, слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта. ... То, что возникает к началу образования речи у ребёнка, есть не открытие, что каждая вещь имеет свое имя, а новый способ обращения с вещами, именно их название» [2: 14–15]. Он дал обоснование того, что значение «живого» слова выполняет важнейшие функции воплощения мысли в речь, увязано со спонтанным (житейским) понятием; имеет опору в свойствах именуемого объекта; поддерживается практическим интеллектом; лежит в основе знаковой операции; является продуктом перехода от интерпсихического к интрапсихическому. Аналогично этому, Н.И. Жинкин полгал, что «Смысл ... начинает формироваться до языка и речи. Надо видеть вещи, двигаться среди них, слушать, осязать – словом, накапливать в памяти всю сенсорную информацию, которая поступает в анализаторы. Только в этих условиях принимаемая слухом речь с самого начала обрабатывается как знаковая система и интегрируется в акте семиозиса» [6: 83]; смысл обладает предметностью, цельностью и наглядностью [цит. раб.: 81]. Жинкин также

неоднократно указывал на постоянное взаимодействие сенсорики и интеллекта, между которыми невозможно провести чёткую границу, при этом «Надо понимать не речь, а действительность» [цит. раб.: 92].

Фундаментальность чувственной предметности значения слова обосновал А.Н. Леонтьев, показавший, что значения, функционирующие у пользующегося языком человека, обеспечивают возвращение к чувственной предметности образа мира. В этой связи закономерен риторический вопрос: «Но как могли бы мы мыслить это мир, если бы он первоначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?» [13: 140]. Но важно «различать познаваемое объективное значение и его значение для субъекта» [цит. раб.: 145]. Ту же линию рассуждений продолжает А.А. Леонтьев: «Как только мы переходим к значению как субъективному содержанию знака, оказывается, что его бытие в деятельности и его презентированность в сознании индивида неразрывно связаны с его предметной (чувственно-предметной) отнесённостью» [12: 322]. Ему же принадлежит дальнейшее развитие учения А.Н. Леонтьева о двойственной онтологии значений, одной стороной обращённых к обществу, а другой – к индивиду.

Приведём также примеры того, как результаты современных исследований в области мозговой активности в принципе подтверждают развиваемые Гумбольдтом представления о чувственной основе значения слова. В книге Э. Голдберга [3] показано, что принцип, по которому когнитивные функции распределены по коре, является градуированным и непрерывным; репрезентация каждой категории вещей распределяется в соответствии с её различными сенсорными компонентами: зрительными, тактильными, звуковыми и т.д.; большинство репрезентаций вещей и событий включают многие сенсорные модальности; имеются основания предположить, что корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов, а корковое представление слов действия тесно связано с корковым

представлением самих действий; обший вывод гласит: различные аспекты значения слова распределены в тесной связи с теми аспектами физической реальности, которые они обозначают. В сообщении под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» [<http://www.hse.ru/news/science/121456242.html>] фактически говорится о том же: «... в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные ещё из классических работ неврологов XIX столетия <...>, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность». Там же сделан вывод. «Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятиях и действиях, связанных с этими словами. Когда ребёнок узнаёт новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <...> формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, <...>. Эта сеть и становится мозговым представителем того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает». Более подробно см.: [10; 16].

Заключение

Вильгельм фон Гумбольдт был выдающимся светилом мировой науки (философии, филологии, культурологии, языковедения и др.). Вдумчивое изучение его трудов необходимо любому представителю интегративной науки о живом человеке, взращённом в определённой культуре и включённом в постоянные взаимодействия с естественным и социальным окружением, последнее из которых становится всё более осложнённым межкультурными контактами. Главным в научном наследии Гумбольдта представляется то, что имплицитно его учением о манифестируемом языке духе народа: успешность выживания обитателей планеты Земля зависит от по-

нимания и уважения специфичных для каждого народа и всегда эмоционально-оценочных переживаемых чувственных и духовных комплексов (веками сложившихся в лингвокультуре образов, стереотипов, верований, моделей поведения в типовых ситуациях и т.п.).

References:

1. Bodujen de Kurtenje I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected works on general linguistics]. - Moskva., Publishing AN SSSR, 1963. Vol. 1., pp. 203–221.
2. Vygotskij L.S. Orudie i znak v razvitii rebjonka. [Tool and sign in the development of a child]., Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6-i t. V. 6. [Collected Works: in 6 vol. Vol. 6]., pp. 5–90.
3. Goldberg Je. Upravljajushhij mozg, per. s angl. [The managing brain, translated from English]. – Moskva., 2003. 335 p.
4. Gumboldt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics]. - Moskva., Progress, 1984. - 398 p.
5. Gumboldt V. fon. Jazyk i filosofija kul'tury., per. s nem. [Language and Philosophy of culture, translated from German]. - Moskva., Progress, 1985. - 452 p.
6. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as conductor of information]. - Moskva, Science, 1982. - 157 p.
7. Zalevskaia A.A. Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta: monografija [The word meaning through the prism of an experiment: monograph]. – Tver', Tver. gos. un-t [Tver State University], 2011. - 240 p.
8. Zalevskaia A.A. Dvojnaja zhizn' znachenija slova. Teoreticheskoe i jeksperimental'noe issledovanie: monografija [The double life of the word meaning. Theoretical and experimental research: monograph]. - Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. - 274 p.
9. Zalevskaia A.A. Chto tam – za slovom? Voprosy interfejsnoj teorii znachenija slova: monografija [What is there behind the word? Questions of the interface theory of the word meaning: monograph]. - Moskva.-Berlin., Direkt-Media. 2014. - 224 p.
10. Zalevskaia A.A. Znachenie slova v prostranstve mozga, tela i okruzenija cheloveka., Slovo i tekst: psiholingvisticheskie issledovaniia [The word meaning in the space of the brain, the body and the human environment. Word and text: psycholinguistic research] – Tver', Tver. gos. un-t [Tver State University], 2014., pp. 31–35.
11. Krushevskij N.V. Oчерк nauki o jazyke., Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija., pod red. F.P. Filina [Essay about the language science., Chrestomathy on the history of Russian linguistics, edited by F.P. Filin]. - Moskva., Vysshaja shkola [High School], 1973b., pp. 417–433.
12. Leont'ev A.A. Dejatel'nyj um (Dejatel'nost'. Znak. Lichnost') [Active mind (Activity. Sign. Personality)]. – Moskva., Sense, 2001. - 392 p.
13. Leont'ev A.N. Problemy razvitija psihiki [Problems of development of the psyche] 3rd ed. – Moskva., Moscow University Press, 1972. - 575 p.
14. Potebnja A.A. Jestetika i pojetika [Aesthetics and Poetics] - Moskva, Iskusstvo [Art], 1976. - 614 p.
15. Fortunatov F.F. Sravnitel'noe jazykovedenie., Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija., pod red. F.P. Filina [Comparative linguistics. Chrestomathy on the history of Russian linguistics, edited by F.P. Filin]. - Moskva., High School, 1973, pp. 308–339.
16. Zalevskaia A. Interfacial Theory of Word meaning: Psycholinguistic Approach. - London, UK., IASHE, 2014. - 180 p.
17. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры., пер. с нем. - Москва., Прогресс, 1985. - 452 с.
18. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - Москва., Наука, 1982. - 157 с.
19. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь., Твер. гос. ун-т, 2011. - 240 с.
20. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. - Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. - 274 p.
21. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография. - Москва.-Берлин., Директ-Медиа. 2014. - 224 с.
22. Залевская А.А. Значение слова в пространстве мозга, тела и окружения человека., Слово и текст: психолингвистические исследования. – Тверь., Твер. гос. ун-т, 2014., С. 31–35.
23. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке., Хрестоматия по истории русского языкознания., под ред. Ф.П. Филина. - Москва., Высшая школа, 1973б., С. 417–433.
24. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). - Москва., Смысл, 2001. - 392 с.
25. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. - Москва., Изд-во МГУ, 1972. 575 с.
26. Потенбня А.А. Эстетика и поэтика - Москва., Искусство, 1976. - 614 с.
27. Fortunatov F.F. Сравнительное языковедение., Хрестоматия по истории русского языкознания., под ред. Ф.П. Филина. - Москва., Высшая школа, 1973., С. 308–339.
28. Zalevskaia A. Interfacial Theory of Word meaning: Psycholinguistic Approach. - London, UK., IASHE, 2014. - 180 p.

Литература:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - Москва., Изд-во АН СССР, 1963. Т.1., С. 203–221.
2. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребёнка, Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-и т. Т. 6., С. 5–90.
3. Голдберг Э. Управляющий мозг, пер. с англ. - Москва., 2003. 335 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избран-

Information about author:

1. Alexandra Zalevskaia - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

BEING A BILINGUAL IN MODERN INTERCULTURAL COMMUNICATION

S. Buchatskaya, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Chair
M. Kotsyubinskij State Pedagogical University of Vinnitsa, Ukraine

The authors consider the issues of effective functioning of a bilingual in conditions of intercultural communication. The analysis of psychological and psycholinguistic aspects of bilingualism is offered, as well as the number of rules and recommendations for successful conduct of the interethnic dialogue.

Keywords: bilingualism, bilingual, intercultural communication, socio-cultural, psycholinguistic peculiarities, communicator.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1489>

INTRODUCTION

Modern trends in intercultural communication encourage the international community to realize that humanity exists at the crossroads of cultures and language systems, and therefore the interaction of its members can be provided by means of effective communication, that is to say ability to use several languages. A person who knows at least two languages, in other words, a bilingual, getting into a different cultural and linguistic environment, has a chance to contribute to the values of the world language map, communicating with representatives of other cultures. Although learning a language and becoming bilingual, i.e. acquiring the new language proficiency, doesn't mean that you know all the grammar and vocabulary of the language, but it means understanding another culture and developing another identity, notwithstanding the ethnic communities you live in.

The problems of definition of bilingualism and its types, as well as interrelation between bilingualism and foreign language acquisition have been reflected in the works of foreign researchers (E. Bialystok, K. Hakuta, J. Cummins, A. Zalevska, E. Wiley and others). Interest in bilingual education and psycholinguistic approaches to the study of this notion can be traced in numerous publications and interpretations of modern Ukrainian linguistics (F. Batsevych, S. Kuranova, L. Zasiakina). However, functioning of a bilingual as a competent communicator

in terms of intercultural behaviour has not been the object of complex analysis yet.

Purpose

The paper aims to provide a relevant analysis of existing approaches to bilingualism and point out the main characteristics of a communicator in modern intercultural communication in favour of psycholinguistics.

The study

Despite the diversity of approaches in the study of bilingualism in modern linguistic and psychological studies, substantial differences still exist in concepts and definitions of the notion, requiring detailed coverage. Analysing the above mentioned phenomena, it should be assumed that most researchers agree that bilingualism as such arises in condition of close economic and social ties and coexistence of representatives of different ethnic groups. However, the phenomenon of bilingualism can occur even when the speaker is studying a foreign language in an artificially created foreign environment (school, university courses).

Historically, bilingual education was predetermined by different objective socio-political factors and has influenced the quality of mastering the phonetic system, second language constructions, direct perception and understanding of other cultures so far. In this case, getting involved in another culture and becoming the part of a global intercultural communication a bilingual can meet some challenges

and milestones.

According to F. Batsevych "communication of people always occurs within a particular culture using specific ethnic language, unique world language maps, as well as the laws of communication, elaborated within this particular language and culture. Getting into different cultural and linguistic environment, a person actually finds himself in another world of values and laws of communication. Ignorance or inadequate use (imitation) of speech-related verbal and nonverbal behaviour standards causes difficulties in communication between different linguistic-cultural communities and can cause a variety of communication obstacles." [1]

In order to set the relationship between culture and communication by revealing cultural patterns characteristic to various nations and to avoid failures in positive intentions of participants in the process of communication, the term "intercultural communication" was offered. The notion which later played a key role in Hofstede's theory of cultural dimensions and E. Hirsch's theory of cultural literacy was introduced into scientific circulation by American anthropologist Edward T. Hall. [5] Theoretical study of guidelines put forward by E. Hall in his work «The Silent Language» became the basis for an integrated science that investigates the interrelation between the nature and results of the communication process and the degree of its members' awareness, caused by the density of social ties and the way the information

is exchanged between members of the community.

Thus “bilinguals, often broadly defined as individuals (or groups) who obtain the knowledge and use of more than one language” [6] are expected to manifest complex psychological and socio-cultural linguistic behaviour. It should be emphasized that knowledge of another peoples’ language is an essential component of intercultural communication and the very first step in establishing successful communication between people of different nations and cultures. Addressing a representative of a specific culture tactlessly and ignoring the linguistic peculiarities can make the communication impossible even before it starts. Failure to understand meanings of the metaphorical and symbolic systems leads to confusion, comic situations and sometimes even conflict.

The situation described further introduces not only individual style, personality and experience of two employees from different countries working together and speaking English, but also the existence of cultural expectations. These people expect others to behave according to their own cultural rules and ways. For example, Edmundo from Spain expects Sakiko from Japan to look at him while they speak to each other (formal situation). In his culture eye contact is an important part of communication. When she doesn’t frequently look at him in the eye, he thinks that she isn’t listening to him. Sakiko on the contrary is acting in accordance with her own cultural rules. In her country it is common to look away while speaking and listening. Moreover she feels uncomfortable when a man sits very close to her as such behaviour is considered impolite in Sakiko’s culture. [4]

The situation proves that the lack of knowledge of another culture can lead to embarrassing or amusing mistakes, and may also confuse or even offend people we wish to communicate with.

According to the theory of cultural dimensions of contemporary Dutch sociologist Geert Hofstede each person perceives the world under the influence of individual characteristics of own

psyche, social environment, specific characteristics of ethnic culture, and therefore is the carrier of a certain way of thinking and potential actions.

In terms of our investigation a deep insight has been made in the psychology of language which reflects specific features of a personality. A number of researchers interpret bilingualism being guided by the theory of triple language phenomena: 1) speech activity, detected in the process of speaking and comprehension; 2) language systems (comprehension results in a certain period of development of the society fixed in grammar books, dictionaries); 3) language material – total amount of what is said and understood by a social group. From the point of psychological mechanisms of speech and mental activity the emphasis should be placed on different means of emotional verbalization, specific abilities to express oneself in different languages. Activity approach in the study of bilingualism allows differentiating various functional loads of bilingual skills in relevant communicative situations.

S.I. Kuranova summarizes that “modern communicative environment encourages people to choose behaviour strategy depending on the situation and circumstances, the focus of which is always language reflecting the key features of the personality and all national and cultural community [8]. Thus, the course of interaction depends largely on the social positions of participants of communication, and their internal (psychological and cognitive) states. These socio-pragmatic aspects determine the sender’s and the recipient’s communicative roles, their views on the “objects” of communication and attitude towards them.

In sum, we identify factors that contribute to successful intercultural communication, in other words, skills or abilities one should acquire in cross-cultural communication:

Communication skills: skills in listening, speaking, and writing to others in order to exchange information effectively;

Interpersonal skills: skills in dealing with people, cooperating with

them, and being sensitive to people’s needs;

Cross-cultural skills: skills in relating to people of different nationalities and cultures, especially in understanding their beliefs and values.

Conclusions

The present study of psycholinguistic characteristics of a bilingual in terms of intercultural communication helped to understand the fact that any person with the help of the language can convey a sense of communication appropriateness and effectiveness in diverse cultural contexts.

One can clearly see by now that bilingualism is very complex and multidimensional linguistic behaviour where a communicator should acquire cross-cultural competency, that is to say be well aware of the “social skills” of an international lifestyle required to adapt to a new environment.

References:

1. Batsevych F.S. (2002) The atmosphere of dialogue: attempt psycholinguistic research. *Linguistics.*, No. 4-5 (pp.)
2. Batsevych F.S. (2009) Basics of communicative linguistics: textbook - 2nd ed., Ext. - K., EC "Academy" – 376 p. (Series "Alma Mater").
3. Cummins, J. (2000) *Language, Power and Pedagogy. Bilingual Children in the Crossfire.* - Clevedon. UK., Multilingual Matters. <https://doi.org/10.1080/15235882.2001.10162800>
4. English, L.M., Lynn, S. (1995) *Business across cultures: Effective communication strategies.* - New York., Longman – 176p.
5. Hall E.T. *Proxemics Current Anthropology.* – 1967., No. 9.
6. Hakuta, K., Bialystok E., and Wiley E. (2003). Critical evidence: A test of the critical period hypothesis for second language acquisition. *Psychological Sciences*, 14 (1), 31-8. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.01415>
7. Hecht, M.L., Warren, J.R., Jung, E. & Krieger, J.L. (2005). The communication theory of identity:

Development, theoretical perspective, and future directions. Theorizing about intercultural communication., pp. 257–278 Thousand Oaks, CA: Sage.

8. Kuranova S.I. (2012) Fundamentals of psycholinguistics:

a course book - K., EC "Academy". – 208 p. ("AlmaMater" series).

Information about author:

1. Svetlana Buchatskaya - Candidate of Psychology, Associate

Professor, Head of Foreign Languages Chair, Vinnytsia State Pedagogical University named after Mikhail Kotsyubinskii; address: Ukraine, Vinnytsia city; e-mail: svitusik@gmail.com

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 71939499

WORD FORMATION MECHANISMS IN THE ENGLISH ECONOMIC TERMINOLOGY

I.F. Loshchenova, Doctor of Philosophy, Candidate of Education, Associate Professor
K.A. Shapochka, Candidate of Education, Associate Professor
I.V. Usachenko, Lecturer
F.O. Loshchenov, Master's Degree Student
The Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine

The authors describe the influence of industry-related, professional, national and gender factors in formation of names, serving as economic terms. Efficiency levels of different morphological ways to build these terms are analysed.

Keywords: economic terminology, productivity, word-building model, morphological ways to build terms.

Conference participants

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1492>

The rapid social and economic development of many countries, globalization and informatisation of the society have encouraged linguists to comprehensively study the features of English economic terminology, which in recent decades has undergone significant changes and renewal [1, P. 9], [2, P. 71]. It is necessary to note that the interest to disclosure of the cognitive aspect of creation of British economic terms has grown [3; 4; 5; 6; 7], as linguistic studies today are closely related to the study of language-based representation of human experience. This allows determining the influence of cognitive processes on the formation and functioning of language units. At the present stage the cognitive activity of a native English speaker is ego-centred, that is directed at himself - aimed at meeting one's needs and preserving one's life in difficult survival conditions [7, P. 13], [8, P. 14]. More egocentric direction of human cognitive activity, on the one hand, and the growing role of British economic terms in the society, on the other, both determine the relevance of the subject of our study. We tracked the cognitive factors affecting the formation of names of persons using the morphological method (by affixation, compounding and shortening) in modern English economic terminology. Achieving this goal required the selection of names of persons fulfilling the function of economic terms resulting in morphological terminology formation; description of the structural and semantic features of selected names; establishing the link between social-economic and formation processes; identification of key cognitive factors affecting the creation of names in modern economic terminology.

The results of scientific studies based on lexicographical sources of

English economic terminology and periodicals made it possible to determine the influence of industry-related, professional, national and gender factors in the formation of names serving as economic terms [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

An industry-related factor is predetermined by specific economic knowledge. Definitions of the economy and its subsystems (marketing, management, finance, etc.) indicate the existence of certain relationships between economic agents – consumers, producers, suppliers, employees, managers. So, the economy is defined as “the study of how society decides to use resources to produce goods and services and distribute them for use among various competing groups and individuals” [17, P. 44]. Management is “the process of getting something already done, efficiently and effectively, through the support of others” [18, P. 5]. Marketing is “a social and managerial process by which individuals and groups obtain what they need and want through creating and exchanging of products and values with others” [19, P. 3]. Managing of personnel refers to “a series of integrated solutions that form labour relations” [20, P. 2]. These definitions indicate that a person who is an expression of economic relations at the individual and social levels is the centre of the economy as a naturalistic science. That is why English economic terminology is represented by a significant number of names: names of professions, specialties, followers of certain beliefs, professional activities in finance, marketing, customs and banking, management, accounting, manufacturing, service areas, etc. According to scientists, the most efficient way of formation of economic

terms is affixation [21]. It is represented by prefixation and suffixation, but only suffixation demonstrates the high level of productivity in formation of names of persons in the English economic terminology. Suffixal stems of economic terms with the meaning of names of persons are formed by such suffixes as -er, -man, -al, -ic, -ate, -ive, -crat, -ary (-ory), -ian (-an), -ist, -ant / -ent, -eur. The high level of efficiency is peculiar to the suffix -or / -er due to the fact that the significant number of verbs is used to characterize the relationship between economic operators in the process of purchasing, sales, financial transactions, auditing, insurance. Almost 80% of the verbal stems in English economic terminology is the basis of formation of names of persons with the suffix -or / -er. These are derivative nouns with the following meanings:

1) the names of professions and professional activities: *importer* – *імпортёр*, *forger* – *фальшивомонетник*, *investor* – *вкладник*, *taxer* – *фінансовий чиновник*, *auditor* – *бухгалтер-ревізор*;

2) *qualification*: *villager* – *житель села*, *poulterer* – *торговець живністю*, *staffer* – *працівник апарату*, *treasurer* – *казначей*, *управляющий* *фінансами* [21]. It should be noted that the suffix -er / -or is often used to build names of persons from the stems of compound words and phrases, such as: *copyright* → *copyrighter* – *власник авторського права*, *part-time* → *part-timer* – *робітник, зайнятий неповний робочий день*, *supply-side* → *supply-sider* – *прибічник економіки пропозиції*.

Scientists point to the high productivity of word-building models with suffixes -ant / -ent, -ist, -ian (-an) and -man. Most terms with -ist suffixes denote types of professional activities: *monopolist* –

монополіст, *technologist* – технолог, *agriculturist* – агроном, *industrialist* – промисловець [21]. However, a significant number of terms with the suffix -ist have the meaning of *follower of theories, opinions, political and economic trends* that is the result of the historical development of economics, during which different areas of research in economics appeared - from mercantilism in the XV-XVII centuries (which became a prerequisite for the selection of English economic terminology) to consumerism and technocracy of the late XX - the early XXI centuries, e.g.: *neo-malthusianist* – прибічник неомальтузіанства, *managerialist* – прибічник доктрини “менеджеризма”, *consumerist* – захисник інтересів споживача, *restrictionist* – прибічник демографічної політики, мета якої скорочення росту населення [21]. The terms which indicate the names of persons with the suffix -man usually have qualification-related meaning, e.g.: *committeeman* – член комітету, *dairyman* – робітник молочної промисловості, *deliveryman* – робітник, що доставляє покупки додому, *middleman* – посередник. The economic terms with the suffix -ant / -ent meaning “the type of professional activity” are also widely presented: *appellant* – апелянт, *complainant* – особа, яка подає рекламцію або претензію, *recipient* – отримувач, *subtenant* – суборендар [21]. The names of persons with the suffix -ian (-an) indicate the names of occupations or have qualification-related meaning, e.g. *agrarian* – аграрій, *contrarian* – інвестор, який діє наперекір тенденції ринку, *statistician* – статистик, *artisan* – кустар, ремісляник. Suffixes -ic, -ate, -ive, -crat, -ary (-ory), -eer, -eur are inefficient in formation of names of persons fulfilling the function of economic terms. We discovered less than 10 derivatives with these suffixes: *entrepreneur* – підприємець, *dispatcheur* – диспашер (спеціаліст з розрахунку розподілу збитків), *beneficiary* – бенефіціар, особа, що отримує економічну вигоду, *fiduciary* – довірена особа, *physiocrat* – фізіократ, *executive* – керівник, виконавча особа, *representative* – представник, *subordinate* – підлеглий, *rustic* – сільський житель, *mechanic* – механік,

auctioneer – аукціоніст (особа, що продає з аукціону), *bucketeer* – брокер фондової або товарної біржі, який займається незаконними операціями. As far as economic relationships usually involve two parties, one of which is active, and the other is passive, the suffix -ee in the meaning of reversing agentivity is also productive. In this case the names of persons with the suffix -ee are formed mainly from verbal stems that ensure the availability of active doer with the suffix -er / -or, for example: *to interview* → *interviewee* – особа, з якою проводять співбесіду, *interviewer* – особа, яка проводить співбесіду; *to lease* → *lessee* – орендар, *lessor* – орендодавець; *to mortgage* → *mortgagee* – кредитор по закладній, *mortgager* – боржник по закладній; *ray* → *rayee* – ремітент, отримувач платежу, *payer* – платівець за кредитними зобов'язаннями. However, the suffix -ee of newly formed terms of English economic terminology of recent decades can be joined to stems losing their passive meaning and acquiring the agentive meaning of an active doer, e.g.: *absentee* – прогульщик, *potioneer* – отримувач (страховки) за довіреністю, *queequee* – особа, яка очікує в черзі, *retiree* – пенсіонер. Acquisition of agentive meaning by the suffix -ee is apparently based on cognitive reinterpretation of the role of a passive agent given the status of an active doer [21].

Prefixation is a less productive way to build names of persons fulfilling the function of economic terms than suffixation. As far as prefixes bring only a certain modification in the stem's semantics (locative, rank, phase, evaluation, quantitative, etc.), the prefixal names of persons have modified meanings similar to the suffixal ones:

1) the names of professions and professional activities: *vice-president* – віце-президент, *co-debtor* – один з боржників, *expropriator* – експропріатор, *remodeller* – особа, яка займається переобладнанням, *subpurchaser* – перекупиць, *underlessor* – суборендодавець;

2) qualification: *transmigrant* – іноземець, який знаходиться у країні проїздом, *superintendent* – директор, *out-migrant* – переселенець (у межах однієї країни), *non-respondent* – особа,

що не повідомила відомостей (при переписі чи опитуванні) [22].

Compounding which saves linguistic resources demonstrates high productivity in formation of names of people in the function of economic terms. According to the structure, the identified compound names of persons form three groups: 1) complex words formed from simple stems: *salesclerk* – продавець, *deadbeat* – неплатник, *landlord* – землевласник; 2) compound derivatives with the suffix -er / -or, which constitute the largest group (68 terms): *taxpayer* – платник податків, *storekeeper* – завідувач складом, *price-fixer* – службовець, який займається контролем цін, *leaseholder* – орендар, *breeder-feeder* – тваринник, що веде господарство з повним циклом (від розведення до відкорму), *landjobber* – спекулянт з купівлі та продажу земельних ділянок; 3) lexicalised syntactic formations: *in-and-outers* – робітники, що зайняті на підприємстві непостійно, *go-between* – посередник, *trade-outs* – клієнти, які перестали купувати в автотаволах, *walkout* – покупець, який пішов з магазину, нічого не купивши [22]. Compound economic terms with the meaning of names of persons are often formed to express the systematic relations within such conceptual prototypes as *wage, tax, stock, price, sales, land, job, fund, trade, wealth*: *tax - tax-gatherer, tax-eater, taxpayer, tax-dodger, tax-collector*; *price - price-fixer, price-cutter*; *land - landowner, landlord, landlady, land-jobber, landholder, land-grabber*; *stock - stockbroker, stockholder, stock-farmer, stockkeeper, stockjobber etc.* [22]. The selected compound names of persons show that usually their first component is the primary mechanism of conceptualisation of the complex term. The second component of a compound term is usually a suffixal name of a person which is already functioning as a term in economic terminology. The most active in the formation of compound names of persons are such economic terms as: *owner, holder, worker, walker, jobber, broker, keeper*. High productivity of the terms *holder, owner, keeper*, indicating ownership of certain things, is based on the important role of the “property” concept in economic terminology, e.g.: *wealthholder, stockholder, stallholder,*

smallholder, shareholder, policyholder, noteholder, leaseholder, landholder, jobholder, householder, fundholder, bondholder, billholder, landowner, homeowner, storekeeper, stockkeeper, shopkeeper, cashkeeper, bookkeeper, beekeeper. Shortening becomes more productive way of terms formation in modern English economic vocabulary [1, P. 12], [3, p. 7]. This leads to emergence of names of persons resulting in shortenings (abbreviations, clipped words and blendings). Productivity of abbreviations is explained by the increasing role of syntactic formation of terminology in contemporary English economic terminology, which becomes the source of a large number of abbreviations denoting the names of persons. Formation of names of persons is conditioned by complication of people's experience (and therefore conceptual structures) in connection with the development of economic subsystems, appearance of narrow specializations and greater division of professional responsibilities. We found abbreviations denoting, as a rule, names of specializations in the field of economic activities, such as: *CFO (chief financial officer) – віце-президент компанії з фінансів, EA (economic advisor) – економічний консультант, GFA (general freight agent) – головний агент з фрахтових операцій, TA (transfer agent) – трансферний агент (з передачі цінних паперів).* Terms formed by clipping, belong to two structural groups: 1) units with the clipped end: *sec (secretary) – секретар, rep (representative) – представник, cash (cashier) – касир, aud (auditor) – бухгалтер-контролер, assist (assistant) – помічник, референт;* 2) units with the middle part clipped: *add'see (addressee) – адресат, отримувач, atty (attorney) – уповноважений* [22]. The functioning of clipped terms in English economic terminology is a result of globalization and informatisation of the society, which leads to the growing role of written business communication. In order to reduce the time for business correspondence, specialists in economics often shorten terms in business documents. It is written business communication which is often a source

of clipping and abbreviation in modern English economic terminology. The survey demonstrates that blending is unproductive way to build names of persons functioning as economic terms, e.g.: *payriot (pay + patriot) – продажний напрім, workaholic (work + alcoholic) – людина, що працює з великим захватом.* Unproductiveness of clipping in formation of names of persons can be explained by the fact that many clipped words are situational and their meanings depend on the context, which is why they are often not registered in the dictionaries [23]. The analysis of names of the economic terms proves that the specificity of economic science (which presupposes different relationships between economic agents and therefore involves a significant number of verbs to describe these relations) determines the productivity of morphological method in formation of names that are usually built from verbal stems. Professional factor that is closely associated with the industry-related one, also significantly affects the formation of names in English economic terminology.

Thus, the morphological ways of creating names fulfilling the function of economic terms are affixation (prefixation and suffixation), compounding and shortening (clipping, abbreviation and blending). Suffixation is the most productive way. A future prospect of our research is to study methods of translation of English economic terminology into Ukrainian taking the mechanisms of its creation considering into account.

References:

1. Andrusjak I.V. Anglijs'ki neologizmi kincja 20 st. jak skladova movnoï kartini svitu: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [English neologisms of the late 20th century as an element of the language world view: Thesis abstract by the Candidate of Philology]: 10.02.04., Kiivs'kij nacional'nij universitet imeni Tarasa Shevchenka [Taras Shevchenko National University of Kyiv]. – Kiev., 2003. – 20 p.
2. Zacij Ju.A., Pahomova T.O. Mova i suspil'stvo: Zbagachennja slovnikovogo skladu suchasnoï anglijs'koï movi [Language and Society: Enriching the vocabulary of modern English]. – Zaporizhzhja: Zaporiz'kij

derzhavnij universitet [Zaporozhye State University], 2001. – 243 p.

3. Beloz'orov M.V. Anglijs'ki leksichni ta frazeologichni novotvori u sferi ekonomiki: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [English lexical and phraseological neologisms in the economics: Thesis abstract by the Candidate of Philology]: 10.02.04 Kiivs'kij nacional'nij universitet imeni Tarasa Shevchenka [Taras Shevchenko National University of Kyiv]. – Kiev, 2002. – 19 p.

4. Konstantinova O.V. Strukturno-semanticzni osoblivosti terminiv opodatkuвання v amerikans'komu i britans'komu variantah suchasnoï anglijs'koï movi: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [About the structural and semantic features of taxation terms in modern American and British English: Thesis abstract by the Candidate of Philology]: 10.02.04., Kiivs'kij nacional'nij universitet imeni Tarasa Shevchenka [Taras Shevchenko National University of Kyiv]. – Kiev, 2004. – 20 p.

5. Naumenko L.P. Lingvofilosofs'ke osmislennja ponjattja «biznes», Mova i kul'tura: Naukovij shhorichnij zhurnal [Linguistic and philosophical understanding of the concept of "business". Language and Culture: annual scientific journal]. – Kiev, Publ. House of Dmitriy Burago. – Issue 6, V.1, 2003, Filosofija movi i kul'turi. [Philosophy of language and culture], pp. 307-314.

6. Ovcharuk T.V. Estestvennaja model' kognitivnogo metaforieskogo oboznachenija ponjattja «den'gi» Serija 9 [The natural model of cognitive metaphorical designation of the concept of "money"]. Suchasni tendencii rozvitku mov 179, Visnik Cherkas'kogo dezhavnogo universitetu [Modern trends of languages 179, Journal of Cherkassy State University]. – Cherkassy., 1999, pp. 56-62.

7. Ribachok S.M. Terminologichna leksika jak zasib kogeziï anglovovnogo ekonomichnogo tekstu: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk: 10.02.04., Zaporiz'kij derzhavnij universitet [Terminological vocabulary as a mechanism of cohesion in the English economic text: Thesis abstract by the Candidate of Philology]: 10.02.04.,

Zaporizhzhya State University]. – Zaporizhzhja, 2004. – 20 p.

8. Shimanovich T.M. Kognitivni chinniki evoljucii nazv osib v anglijs'kij movi HH st.: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04., Kii'vs'kij nacional'nij universitet imeni Tarasa Shevchenka [Cognitive factors in evolution of personal names in English of the 20th century.: Thesis abstract by the Candidate of Philology: 10.02.04., Taras Shevchenko National University of Kyiv]. – Kiev., 2005. – 20 p.

9. Anglo-russkij jekonomicheskij slovar', Pod red. [English-Russian dictionary of Economics, Edited by] A.V. Anikina. – 2-d ed., pererab. i dop. [revised. and ext.] – Moskva, Russian language, 1993. – 792 p.

10. Zhdanova I.F. Novyj anglo-russkij jekonomicheskij slovar' [New English-Russian dictionary of Economics]. – Moscow., Russian language. Media, 2005. – 1028 p.

11. Collin P.H. Dictionary of Business. – L., Peter Collin Publishing Ltd, 1997. – 332 p.; New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1150 p.; "The Economist", 2001-2004.

12. Universal'nij anglo-ukraïns'kij biznes slovník [Universal English-Ukrainian business dictionary]., Access mode: <http://www.bookland.com/download/8/82/82960/sample.pdf>.

13. Jakovenko R. Tlumachnij anglo-ukraïns'kij slovník ekonomichnih terminiv z elementami teorija ta problematiki [Interpretative English-Ukrainian dictionary of economic terms with elements of theory and problems]., Access mode: <http://persha.kr.ua/kirovogradskij-naukovec-stvoriv-anglo-ukra%D1%97nskij-slovník-ekonomichnix-terminiv/>.

14. Gerasimchuk L. Novij praktičnij ekonomičnij slovník, anglo-ukraïns'kij, ukraïns'ko-anglijs'kij. [New Practical dictionary of Economics, English-Ukrainian, Ukrainian-English]., Dictionary of everyday economy., Gerasimchuk L. – Kiev, Well, 2003. – 352 p.

15. Borisjuk T.B. ta in. (uklad.) Anglo-ukraïns'kij ta ukraïns'ko-anglijs'kij slovník-minimum ekonomichnih terminiv. [English-Ukrainian and Ukrainian-English dictionary of economic terms].,

T.B. Borisjuk. – Rivne., RSMU, 2002. – 44 p.

16. Timoshuk N.M., Dovgan' L.I., Timkova V.A., Shargorods'ka V.M. Anglo-ukraïns'kij ekonomičnij slovník [English-Ukrainian dictionary of Economics], 2012., Access mode: <http://socrates.vsau.org/repository/card.php?lang=uk&id=4411>.

17. Nickels G.W., Mc Hugh M.I., Mc Hugh M. Susan Understanding Business. – Mc Graw Hill: Irwin McGrawHill, 1999. – 806 p.

18. Robbins P. Stephen, DeCenzo A. David Fundamentals of Management. – Upper Saddle River: Prentice Hall, Inc., 2001. – 522 p.

19. Kotler Philip, Armstrong Gary Marketing. An Introduction. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1993. – 632 p.

20. Milkovich T. George, Boudreau W.J. Human Resource Management. – Irwin Mc-Graw-Hill, Inc., 1997. – 692 p.

21. Azarova L.Є., P'jast N.J. Skladannja jak odin iz sposobiv slovtvoru. [Composition as a word formation mechanism], Monography. – Vinnicja., UNIVERSUM. – Vinnicja., 2005. – 123 p.

22. Rozvodovs'ka O.V. Sposobi morfologičnogo slovtvoru v suchasnij anglijs'kij movi biznesu [Morphological methods of word formation in modern business English], O.V. Rozvodovs'ka., Naukovi zapiski Nacional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademija» [Scientific notes of the National University of Ostroh Academy] Philological Ser. – 2009. – Issue 11., pp. 328-333.

23. Pan'ko T.I. Vid termina do sistemi [From the term to the system]., T.I. Pan'ko, L'viv, 1979. – 121 p.

Литература:

1. Андрусак І.В. Англійські неологізми кінця 20 ст. як складова мовної картини світу: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04., Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2003. – 20 с.

2. Зацний Ю.А., Пахомова Т.О. Мова і суспільство: Збагачення словникового складу сучасної

англійської мови. – Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2001. – 243 с.

3. Белозьоров М.В. Англійські лексичні та фразеологічні новотвори у сфері економіки: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2002. – 19 с.

4. Константинова О.В. Структурно-семантичні особливості термінів оподаткування в американському і британському варіантах сучасної англійської мови: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2004. – 20 с.

5. Науменко Л.П. Лінгво-філософське осмислення поняття «бізнес», Мова і культура: Науковий щорічний журнал. – К., Вид. Дім Дмитра Бурого. – Вип. 6., Т.1, 2003., Філософія мови і культури., С. 307-314.

6. Овчарук Т.В. Естественная модель когнитивного метафорического обозначения понятия «деньги» Серия 9. Сучасні тенденції розвитку мов 179., Вісник Черкаського державного університету. – Черкаси., 1999., С. 56-62.

7. Рибачок С.М. Термінологічна лексика як засіб когезії англійського економічного тексту: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04., Запорізький державний університет. – Запоріжжя, 2004. – 20 с.

8. Шиманович Т.М. Когнітивні чинники еволюції назв осіб в англійській мові ХХ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04., Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2005. – 20 с.

9. Англо-русский экономический словарь., Под ред. А.В. Аникина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Русский язык, 1993. – 792 с.;

10. Жданова И.Ф. Новый англо-русский экономический словарь. – М., Русский язык. Медиа, 2005. – 1028 с.

11. Collin P.H. Dictionary of Business. – L., Peter Collin Publishing Ltd, 1997. – 332 p.; New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1150 p.; "The Economist", 2001-2004.

12. Універсальний англо-український бізнес словник. Електронна версія., Режим доступу: <http://www.bookland.com/download/8/82/82960/sample.pdf>.

13. Яковенко Р. Тлумачний англо-український словник економічних термінів з елементами теорія та проблематики., Електронна версія., Режим доступу: <http://persha.kr.ua/kirovogradskij-naukovec-stvoriv-anglo-ukra%D1%97nskij-slovník-ekonomichnix-terminiv/>.

14. Герасимчук Л. Новий практичний економічний словник, англо-український, українсько-англійський., Dictionary of everyday economy., Герасимчук Л. – К., Криниця, 2003. – 352 с.

15. Борисюк Т.Б. та ін. (уклад.) Англо-український та українсько-англійський словник-мінімум економічних термінів., Т.Б. Борисюк. – Рівне., РДТУ, 2002. – 44 с.

16. Тимошук Н.М., Довгань Л.І., Тимкова В.А., Шаргородська В.М. Англо-український економічний словник, 2012., Електронна версія., Режим доступу: <http://socrates.vsau.org/repository/card.php?lang=uk&id=4411>.

17. Nickels G.W., Mc Hugh M.I., Mc Hugh M. Susan Understanding Business. – Mc Graw Hill: Irwin McGrawHill, 1999. – 806 p.

18. Robbins P. Stephen, DeCenzo A. David Fundamentals of Management. – Upper Saddle River: Prentice Hall, Inc., 2001. – 522 p.

19. Kotler Philip, Armstrong Gary Marketing. An Introduction. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1993. – 632 p.

20. Milkovich T. George, Boudreau W.J. Human Resource Management. – Irwin Mc-Graw-Hill, Inc., 1997. – 692 p.

21. Азарова Л.С., П'яст Н.Й. Складання як один із способів словотвору., Монографія. – Вінниця., УНІВЕРСУМ. – Вінниця, 2005. – 123 с.

22. Розводовська О.В. Способи морфологічного словотвору в сучасній англійській мові бізнесу., О.В. Розводовська., Наукові записки [Національного університету «Острозька академія»]. Сер.: Філологічна. – 2009. – Вип. 11. – С. 328-333.

23. Панько Т.І. Від терміна до

системи., Т.І. Панько., Львів, 1979. – 121 с.

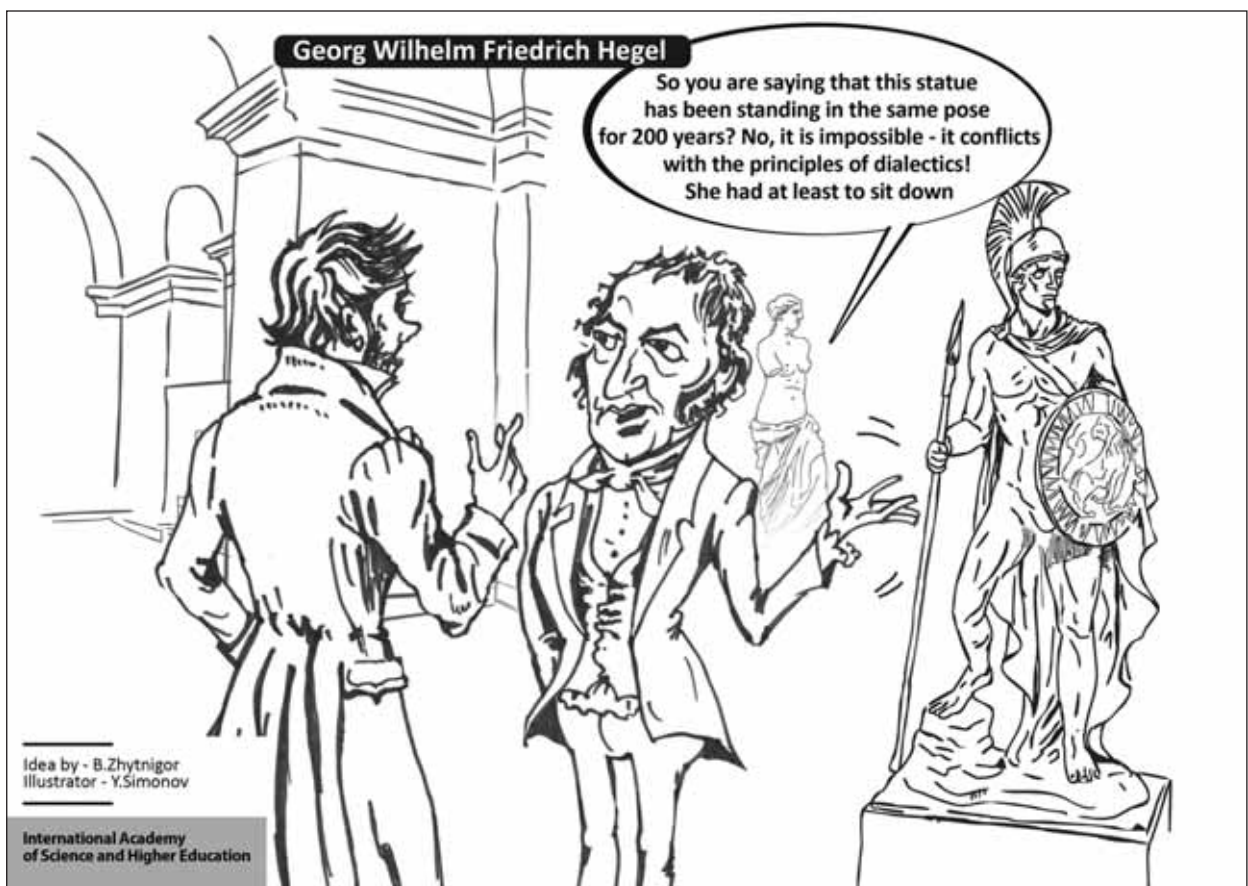
Information about authors:

1. Iryna Loshchenova – Doctor of Philosophy, Candidate of Education, Associate Professor, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: loshchenova@yandex.ru

2. Kateryna Shapochka - Candidate of Education, Associate Professor, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: e_shapochka@mail.ru

3. Irina Usachenko - Lecturer, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: usachenkoiv@yandex.ru

4. Felliks Loshchenov - Master's Degree Student, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: razor1239@rambler.ru

GISAP CHAMPIONSHIP AND CONFERENCES 2017

1 stage	1 stage	1 stage
ISSUES OF UPBRINGING AND TEACHING IN THE CONTEXT OF MODERN CONDITIONS OF OBJECTIVE COMPLICATION OF THE PERSON'S SOCIAL ADAPTATION PROCESSES	ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF ITS TURNOVER	MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION
Educational sciences and Psychology 18-24.01	Philology 09-15.02	Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy 09-15.02
1 stage	1 stage	1 stage
ISSUES OF FREEDOM, JUSTICE AND NECESSARY COERCION IN THE COURSE OF THE PUBLIC RELATIONS REGULATION	TRADITIONAL AND EXPERIMENTAL METHODS OF STUDYING AND OVERCOMING THE MEDICAL AND BIOLOGICAL PROBLEMS IN ENSURING THE OPTIMAL VITAL FUNCTIONS OF HUMAN BEINGS AND THE WILDLIFE	THEORETICAL AND EXPERIMENTAL ASPECTS OF REVEALING AND SOLVING THE CURRENT ISSUES OF FUNDAMENTAL SCIENCES
Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences 21-28.02	Medicine, Pharmaceuticals / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences 02-10.03	Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences 02-11.04
1 stage	2 stage	2 stage
MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MECHANISMS ABLE TO SATISFY THE SOCIETY'S INDUSTRIAL AND ARCHITECTURAL ENGINEERING NEEDS	ISSUES OF FORMATION OF PROPER ASSESSMENT CRITERIA IN RELATION TO KNOWLEDGE AND BEHAVIOUR OF INDIVIDUALS AT VARIOUS STAGES OF THEIR LIVES	OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC MECHANISMS IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY OF PERSONAL IDENTITY
Technical Science, Architecture and Construction 02-11.04	Educational sciences and Psychology 12-17.05	Philology 08-13.06
2 stage	2 stage	2 stage
CREATIVITY AS A PERSONAL SELF-EXPRESSION MECHANISM AND A WAY TO REVEAL THE LEVEL OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT	CORRELATION BETWEEN INDIVIDUAL AND COLLECTIVE NEEDS IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL PROCESSES	CHRONIC AND INFECTIOUS HUMAN DISEASES, EPIZOOTIC OUTBREAKS AND EPIPHYTOSY AS THE RESULTS OF CHANGES IN CONDITIONS OF BIOLOGICAL LIFE AND THE MAJOR DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH
Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy 08-13.06	Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences 20-26.06	Medicine, Pharmaceuticals / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences 04-10.07
2 stage	2 stage	3 stage
CURRENT RESEARCH ON MATERIAL OBJECTS AND INTERACTION OF SUBSTANCES: EXPANDING THE LIMITS OF KNOWLEDGE AND DETERMINING THE FUTURE OF MANKIND	CURRENT PROBLEMS IN THE PROCESS OF MEETING THE EXPANDING DEMAND OF THE POPULATION FOR THE MODERN HIGH TECH PRODUCTS	PROBLEMS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN CONDITIONS OF MODERN REQUIREMENTS TO QUALITY OF EDUCATION AND THE LEVEL OF PROFESSIONAL SKILLS OF EXPERTS
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences 03-09.08	Technical Science, Architecture and Construction 03-09.08	Educational sciences and Psychology 14-19.09
3 stage	3 stage	3 stage
RATIO BETWEEN THE ROLES OF AN INDICATOR OF SOCIAL CULTURE, INSTRUMENT OF COMMUNICATION, AND MECHANISM OF PRESERVATION AND TRANSFER OF INFORMATION IN MODERN LANGUAGE SYSTEMS	PHENOMENON OF MASS CULTURE AGAINST THE BACKGROUND OF EXPANSION OF LIBERAL PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT OF PERSONAL SELF-EXPRESSION FORMS	ORGANIC COMBINATION OF SOCIAL PARTNERSHIP AND INDIVIDUAL IDENTITY AS THE MAIN FACTOR IN ENSURING THE SELF-PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE SOCIETY
Philology 10-16.10	Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy 10-16.10	Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences 24-31.10

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>